

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 26

1984

*Виктор
МАРЬЯНОВСКИЙ*

РОМАНС ДЛЯ БУРЕНКИ

ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

Виктор МАРЬЯНОВСКИЙ

РОМАНС
ДЛЯ БУРЕНКИ

ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

Виктор МАРЬЯНОВСКИЙ

Виктор Александрович Марьяновский родился в 1917 году в Виннице. Окончил Инженерно-экономический институт имени Серго Орджоникидзе в Москве. С первых же дней Великой Отечественной войны ушел на фронт, прошел путь от рядового до капитана, награжден орденами и медалями.

После демобилизации из армии — на журналистской работе: заведовал отделами в газетах «Московский комсомолец», «Ленинское знамя», «Вечерняя Москва». С пятидесятих годов выступает в журналах «Москва», «Огонек», «Крокодил», «Литературной газете», «Литературной России» с очерками, фельетонами, юмористическими рассказами.

За эти годы издал двенадцать книг. Среди них сатирическая повесть «Зеленый циферблат», сборники юмористических произведений «Эффект присутствия», «Дикарь с транзистором», «В гору со свистом», «Папа в аврале», документальные повести: «Он не был в Каракасе», «Свет в вашем окне». В последнее время выступает и в жанре искусствоведческого очерка. Его перу принадлежат книги о таких известных мастерах цирка, как Кио, Кантемировы.

КОНЕЦ ЕРЕСЬЕВА

Молодой драматург Терезий Ересьев выдохнул «занавес» и, вытерев пот с иссеченного творческими исканиями лба, виноватыми собачьими глазами посмотрел на актеров.

Все ждали, что скажет главреж Тихон Горностайский. Он молчал. Пьеса ему нравилась, и, плотоядно поглядывая на рукопись, Тихон мысленно прикидывал, что бы такое с ней сотворить. Репутация искателя и бунтаря ко многому обязывала.

— Пьеска, кажется, состоялась,— солидно пророкотал наконец Тихон.— Поработать, конечно, голуба, придется. Третий акт дотянуть, провальчики есть. Но, несомненно, свежо. Свежо и современно.

— Мило, очень мило,— проворковала инженеру Маргоша Перуанская и на всякий случай сделала Терезию глазки.

Председатель месткома Парфенов-Панфилов даже уронил тяжелую слезу.

— Поздравляю,— раскрыл он объятия зардевшемуся Ересьеву.— Талант... Советский Мольер... И для вашей половины ролька есть,— обратился Парфенов-Панфилов к Горностайскому,— будто специально для нее написана. Знает,— погрозил он пальцем Терезию,— как писать надо!

— Браво! — басом протрубила травести Крольчихина.

Все шло как по маслу. Терезий, блаженно улыбаясь, суетливо мят в руках пьесу и не успевал благодарить. И вдруг...

— Мы не согласные! — с мрачной решимостью сказал чей-то голос.

В дверях стоял театральный пожарный Потапыч. На его носу горели алые отблески потушенных пожаров. Морковные усы воинственно топорщились.

— Кого шельмуешь? Кого? — с черноземным надрывом воскликнул Потапыч, обращаясь к Ересьеву.— Беззаветных тружеников брандспойта? Кто день и ночь горит на работе? Обратно же мы, пожарные! У кого за нынешний год загораемость на два процента понизилась? У кого кривая потушаемости идет вверх? А у гражданина Ересьева в пьеске пожарный — кто такой?

Понаторевший в театральных монологах Потапыч перевел си-
вухный дух и сделал эффектную паузу.

— ...Бабник, барыга и еще политуру глушит почему зря. Поклеп
это, гражданин Ересьев, на нашу пожарную действительность. После
такого спектакля, ежели, не дай бог, где очаг загорания сверкнет,
тушить не захочешь... Не мобилизует эта пьеска, значит, на трудовой
героизм. Не зовет...

И Потапыч с трудом развернулся на 180 градусов и пошел прямо
навстречу своей судьбе, правда, изрядно при этом покачиваясь.

Терезий, которому при словах «гражданин Ересьев» уже почуди-
лось, что он сидит не в удобном театральном кресле, а на жесткой
скамье подсудимых, зябко передернул плечами.

— Я не понимаю... — начал было он, но его перебил Парфенов-
Панфилов.

— Пожалуй, стоит прислушаться, — вздохнул он раздумчиво. —
Все-таки голос пожарной общечеловечности...

— Послушайте... — взмолился Ересьев, — у меня ведь это не просто
пожарный, он главный носитель пережитков. А его монолог на
пожарной лестнице во втором действии? Самое выигрышное место
в пьесе...

Горностаевский снисходительно похлопал Ересьева по плечу.

— Молодо-зелено, голуба. Ну что вам стоит заменить пожарного
кем-нибудь другим?.. Эврика! Пусть это будет парикмахер. Лучше
женщина. И обязательно допишите картинку — в женском зале...
Представляете? — Горностаевский в восторге потер руки. — Монолог
на пожарной лестнице заменям монологом с аппаратом для сушки
волос. Знаете, который напоминает гермошлем? Ухватываете? В этом
что-то марсианское есть, космическое. Современное и оригинально! Не
правда ли?

— Позвольте, — простонал Терезий, — но у меня пожарник пьет
политуру. На этом построены самые смешные эпизоды... А вы:
женщина...

Тихон пренебрежительно отмахнулся:

— Ерунда! Будет пить одеколон... «Майские грезы»...

Новый вариант пьесы — парикмахерский — был готов через
месяц. Отрывки из него были опубликованы в местной газете.
Репетиции уже шли полным ходом, когда на очередном заседании
худсовета раздался стук в дверь, и на пороге появились трое:
грациозный молодой человек с массивным перстнем на пальце,
пожилой мужчина благообразного облика и девица с прической «жил-
был у бабушки серенький козлик».

Перстненосец сделал шаг вперед.

— Мы вас не обеспокоили? — учтиво осведомился он. — Извините
как минимум. Мы, так сказать, от имени и по поручению... Арнольд
Евстигнеевич, прошу...

Профессорского вида мужчина откашлялся.

— Коллектив парикмахеров треста № 2, — начал он хорошо поставленным отчетно-выборным голосом, — заканчивает квартал с перевыполнением по всем показателям. Поголовье клиентов выросло по сравнению с этим же кварталом прошлого года на полтора процента. Настриг с одной головы повысился на один процент. Значительно перевыполнен план по головомойкам...

Закончив перечисление достижений, мужчина обличительным жестом ткнул пальцем в сторону худсовета и сменил тон на благородно-негодующий.

— В свете этих успехов коллектив треста № 2, ознакомившись с пьеской некоего Т. Ересьева, считает ее попыткой исказить образ нашего современника — труженика парикмахерского цеха. Чем, например, занят в свободное от работы время женский мастер Ахиллес Пяткин, выведенный Ересьевым в пьесе? Вместо того, чтобы сидеть дома и укреплять семью, принимать участие в самодеятельном сатирическом ансамбле «С корнем!» или на худой конец спешить на лекцию о любви и дружбе, он, по воле драматурга, вступает в незаконную связь с маникюрщицей Афродитой Огурцовой и пытается зарезать своего соперника электрической бритвой, причём харьковского производства. Смешно? Грустно, а не смешно... Где видал такого парикмахера некий Ересьев? Где?.. Мы требуем...

Галантно расшаркавшись и сказав на прощание еще раз «извините как минимум», перстеносец увел делегацию перевыполнять план головомоек.

Ересьев держался за сердце. Члены худсовета дипломатично молчали.

— Да-а-а, — многозначительно протянул Горностайский, — насчет парикмахеров вы, Терезий Маркович, явно крен дали. Придется реагировать...

— Позвольте, — плачущим голосом сказал Ересьев, — это же черт знает что... я... я... я...

— И не думайте возражать, — жестко произнесла Маргоша Перуанская. — Надо менять. Если оставить Ахиллеса, меня так в дамской парикмахерской причешут — мама родная в обморок упадет!

— Терезий Маркович. голуба, — Тихон хлопнул себя по лбу, — давайте-ка шофера вставим в пьеску, а? Какую газетку ни откроешь, костят сейчас ихнего брата. То, смотришь, человека зашиб, то, будучи подшофе, от милиционера удрал... Злободневно! Свежо? Ей-богу, а? Я такую мизансцену вижу — публика ахнет! Стоит ваш шофер на этом... как его... заднем мосту, в руках у него... — ну, как называется, эта штука?.. — ага, карбюратор, и тот самый монолог выдает... А?

В этот вечер Ересьев впервые в жизни напился. Но к премьере очередной вариант пьесы был готов. И через несколько дней в газете

под рубрикой «Вместо рецензии» появилось письмо в редакцию. «На днях мне довелось посмотреть сатирическую комедию «Водитель на орбите» молодого драматурга Т. Ересьева. Я не буду разбирать весь спектакль (для этого есть специалисты), а коснусь только роли шофера Ахиллеса Пяткина, который близок мне, ветерану автогужтранспорта. Как мог автор, если судить в целом по пьесе, человек талантливый, так оглушить, так принизить образ нашего советского водителя? Хотя драматург — несомненный мастер сюжетных поворотов, совершенно непонятно, куда он поворачивает. И вообще встает вопрос: знает ли Ересьев правила уличного движения? Сдал ли он хотя бы техминимум? Имеет ли он моральное право писать о наших доблестных водителях? Нет, не знает, нет, не имеет. И поэтому, хотел автор или не хотел, он нанес непоправимый вред развитию автотранспорта города, демобилизовал весь многосотенный отряд шоферов нашего Пригорска. Скажу пока только за себя: уже десятый год борюсь я за звание «Лучший шофер города». Но после постановки, которая меня размагнитила, демобилизовала и толкнула назад, я поехал на красный свет, подал возле пивной, в центре города, звуковой сигнал и, будучи в нетрезвом состоянии, уязвил достоинство лучшего друга водителей — постового милиционера...»

Под заметкой стояла подпись:

«Калабашкин, Э. У., шофер, автор документальной повести «Сорок лет на тормозах».

В письме шофера явно чувствовалась рука опытного мастера интриги — драматурга Василия Крутолобова, пьеса которого была недавно отвергнута худсоветом. Мозговой трест театра немедленно собрался на чрезвычайное совещание. Не успел Горноста́йский произнести свое глубокомысленное «м-да-а-а», как в кабинет главрежа вломился Терезий. Вид его был ужасен. Сверкающие безумием глаза вперились в Горноста́йского.

— Ха-ха! — мефистофельски хохотнул Ересьев. — Кого сейчас в жертву принести хочешь? Слесаря-водопроводчика? Банного мозолиста? Не спеши, Тихон, жребий брошен...

Ересьев ударил себя в грудь кулаком и вскочил на стол.

— Теперь в пьесе главный носитель пережитков — драматург... Ересий Терезев... В свободное от работы время пьет коктейль «Гремучая ртуть». Смесь бензина, денатурата и купороса... Закусывает гуталином, распространяет порнографические открытки...

Терезий прыгнул на пол, похлопал по щеке главрежа и вновь издал мефистофельский хохот.

— Пусть попробуют обвинить в очернительстве! Накося, выкуси! Сами себя критикуем... Ха-ха...

И Терезий поднес кукиш почему-то Парфенову-Панфилову. Председатель месткома, искательно глядя в глаза драматургу, на ощупь набирал на диске номер психиатрической больницы.

ПИРУЭТЫ УНИФОРМЫ

Новую программу в цирке города Пригорска пригласили ставить лауреата конкурса режиссеров центральной черноземной зоны Овидия Кузьмича Титушкина.

— Нас заела постановочная рутина, — исповедовался ему директор цирка Спиридон Евгеньевич Кокшайский. — Все эти прологи и финалы набили уже оскомину. Нужно что-нибудь такое-этакое...

И директор выразительно щелкнул пальцами.

— Будет и этакое... — многозначительно ответил Овидий Кузьмич и стряхнул сигарный пепел с замшевой куртки искусственного происхождения.

На просмотре номеров Титушкин сидел суровый и неприступный, как Эльбрус зимой. Глаза его горели нездоровым рыболовным блеском, а лоб прорезали морщины глубокой зяблевой вспашки. Он несколько оживился только при виде танца маленьких лебедей в исполнении квартета южноамериканских лам.

На художественный совет Овидий Кузьмич пришел уже творчески заряженным.

— Есть у меня идея, — сказал он. — Будем решать представление в хореографическом ключе.

Подавленные оригинальностью замысла члены худсовета благовожно молчали. И только инспектор манежа Гога Гуманидзе нервно крутнул шелковистый черный ус и запальчиво спросил:

— Я тоже должен во время объявления номера кренделя ногами выписывать?

— Вы вообще не вписываетесь в программу, — сухо ответил Овидий Кузьмич, — о выступлении артистов мы будем информировать зрителя пластическим языком. Танцевальные интермедии помогут нам установить интимный, я не боюсь этого слова, контакт с публикой...

— Видели мы таких Джорджей Баланчиных, — съязвил Гога Гуманидзе и гордо пошел к выходу.

— Вы у меня еще попляшете! — надменно кинул вслед ему Титушкин и принялся развивать свою идею:

— Танцевальные заставки динамически раскручивают пружину действия. Даже антракта как такового не будет. По окончании номера кордебалет и зрители на арене сливаются в танце в общую массу...

— А как же с подготовкой манежа под аттракцион с хищниками? — робко спросил Кокшайский.

— Аттракцион? — рассеянно повторил Овидий Титушкин. — Никаких хищников! Не будем пропагандировать на арене буржуазные нравы. К чему все эти устарелые номера с тиграми и львами сводятся: сильный хочет съесть слабого? Не так ли? И вообще хищники будят только нездоровые эмоции. Вот что, — Титушкин хлопнул себя по лбу, — если уж аттракцион, так пусть это будет «Танцовщицы и бегемоты». Улавливаете, Спиридон Евгеньевич?

— Улавливаю,— уныло вздохнул директор.— Но где же мы бегемотов изыщем?

— Пустяки. Слетаю на пару недель в одну из африканских стран, и считайте, что бегемоты у нас в кармане.

— Но их ведь надо еще готовить к выступлению?

— Ерунда! — отмахнулся Овидий Кузьмич.— Они нужны только как фон, чтобы оттенить изящество и красоту наших женщин.

Творческая фантазия Титушкина была, как гейзер. По его настоянию руководительница номера «Позы и козы» Маргарита Куницына заставляла своих парнокопытных отбивать чечетку под мелодию старинного романса «Пара гнедых», аранжированного в ритме рока. Силовой жонглер Тихон Свистухин, отчаявшись работать с металлическими шарами и одновременно исполнять классическое па-де-де из балета «Дон Кихот», перешел на воздушные шарики. Свою угрозу в отношении Гоги Гуманидзе Овидий Кузьмич привел в исполнение: униформа готовила арену, вальсируя под звуки «Амурских волн», а сам инспектор как солист-танцовщик выделял всякие пируэты и фуэте.

Известный номер «Медведи-канатоходцы» тоже едва не был изъят из программы, однако в последний момент Овидий смилился:

— Ладно, оставим этих косолапых. Только придадим номеру соответствующую направленность. Наденем на зверюг рубашки и штаны, и под музыку «Аве Мария» они будут постепенно раздеваться. Улавливаете? С одной стороны, удар по церковникам, а с другой — разоблачение буржуазных нравов: стриптиза.

Пародийная сценка «Лебединое озеро» — коронное антре коверных Тюльпанского и Носмана — вызвала у Титушкина брезгливую гримасу.

— Это что ж такое? Народ в цирк, как на духовный пир, спешит, а вы что ему преподносите? Искаженный образ лебедя? Смешно? Может, кое-кому и смешно, но мы не пойдем на поводу у отсталого зрителя. Будем решать эту сценку в классическом варианте.

Не обходилось без казусов и на репетициях. В аттракционе «Танцовщицы и бегемоты» кордебалет испытывал панический страх перед пучеглазыми представителями африканской фауны. Стоило томившемуся без дела гиппопотаму зевнуть, открыв бездонную, словно кратер потухшего вулкана, пасть, как какая-нибудь слабонервная девушка грохалась на манеж без чувств.

В танцевальной сценке «Дрессировщики и хищники», где роль свирепой черной пантеры играла жена Титушкина Элеонора Круть-Крутьковская, были свои осложнения. В тот момент, когда «пантера» набрасывалась на «дрессировщика», Овидий Кузьмич бледнел и спешил укрыться в цирковом буфете. Он-то хорошо знал, чем это может кончиться...

К счастью, танцевальное действие под названием «Ноги друзей» так и не увидело света. Мстительный Гога Гуманидзе, подозревая, что на

биографии каждого художника жизнь оставляет свои темные пятна, обнаружил, что Овидий Титушкин подвизался некогда в оперетте. И со свойственной ему масштабностью и темпераментом пытался поставить «Роз-Мари» как конную феерию под названием «Рожденная в седле». Вовремя разоблаченный халтурщик и вульгаризатор поспешил скрыться, увезя с собой казенный режиссерский мегафон и солистку театра — балерину Элеонору Круть-Крутьковскую...

Кого теперь пригласят режиссером в пригорский цирк? Постановщика эпохального пожарного представления на стадионе «Гори, гори ясно» Реджинальда Грозового или специалиста по греческим трагедиям Мирона Эсхилова?

НОВОГОДНИЙ СЮЖЕТ

Стрелки на циферблате стали по стойке «смирно». Часы мореного дуба с готической островерхой башенкой отсчитали двенадцать ударов. Два испытанных юмориста-соавтора подняли бокалы, чокнулись и...

В этот момент открылась дверь, и в комнате появился незнакомый мужчина, прижимавший к груди бутылку шампанского и коробку с тортом. Незнакомец тяжело дышал, галстук его болтался на боку.

— Вам кого, товарищ? — привычной слитной скороговоркой спросили братья-писатели.

— Вас... Не узнали? Да, да это я — герой всех ваших новогодних рассказов. Тот самый бедолага, которому в ночь под Новый год фатально не везет. По вашей воле я неизменно встречаю этот праздник вдали от семьи, друзей и сослуживцев.

Десять раз вы заставляли меня застревать в лифте. Семь раз я встречал Новый год в такси и пил на брудершафт с шофером и как-то даже с его тещей. Пять раз я отмечал это событие по вашей милости на лестничной площадке: три раза в метро, два раза в милиции и однажды в котельной у истопника.

А что вы сделали со мной в прошлом году? — продолжал вошедший. — Помните? Вы заставили меня познакомиться в бане с каким-то командированным из Махачкалы. Из-за вас мне пришлось выпить с ним по две кружки пива, а потом что-то более крепкое.

На прощание командированный сунул мне записочку со своим адресом и вместе с ней (то ли было темно на улице, то ли темно у нас в глазах) и свой железнодорожный билет.

Благодаря вам меня после этого основательно разморило, и я уснул на какой-то скамейке, где попался на глаза старшине милиции.

Как и полагается в новогоднем рассказе, милиционер оказался добряком и гуманистом. Устанавливая мою личность, он обнаружил билет на поезд, отправлявшийся через час.

Сердобольный старшина закутал мне горло собственным мохеровым шарфом, посадил в подвернувшееся такси (ради того, чтобы разлучить меня в этот вечер с близкими, вы пошли даже на этот невероятный домысел) и довез до вокзала. А там усадил в вагон... Под Новый год я спал где-то между Орлом и Тулой.

Соавторы нервно переглянулись.

— А сегодня, — вздохнул пришелец, — я в одиннадцатый раз застрял в лифте. К счастью, у меня в этой ситуации немалый опыт, и я довольно быстро оттуда выбрался. Но, я чувствую, вы готовите мне новые каверзы, я и на этот раз попаду домой под утро.

Мужчина умоляюще взглянул на соавторов.

— Чего же вы хотите? — проскандировали юмористы.

— Дайте хотя бы один раз провести новогоднюю ночь, как все люди. За столом! В семейном кругу!

Неожиданный гость жалобно всхлипнул и исчез.

— Гм! Любопытный случай, — «выстрелили» соавторы. — Такое может произойти только в новогоднюю ночь. Но что он хотел? Встретить Новый год дома? С родными и друзьями? Не смешно!

...С улицы послышался грохот. Недавний пришелец провалился в подземный люк.

«ВКУСНЫЙ» РЕПОРТАЖ

На очередном редакционном совещании выяснилось, что почти все варианты рубрики «Репортер меняет профессию» мной использованы.

Я уже подвизался в роли жёковского слесаря-водопроводчика и благодаря щедрости квартиросъемщиков, к ужасу своих домашних, возвращался каждый вечер домой, исполняя «Во субботу день ненастный» в ритме шейка.

Работал я и сборщиком утильсырья. Соседи при встрече усиленно допытывались, где я строю дачу — в Гагре или в Булдури, и в каком конспиративном гараже стоит моя «Волга».

Ходил я также в тунееддах-алкоголиках. При виде меня знакомые деликатно отворачивались. Кончил я медвытрезвителем, где выпустил стенгазету «За ваше здоровье» с передовой «Больше не буду».

...Лицо редактора скучнело с каждой секундой. Его не вдохновила даже идея использовать меня в качестве дегустатора на ликеро-водочном заводе.

Тут вмешался мой извечный конкурент и завистник репортер Редькин.

— А если ему в клетку со львом зайти? И заголовочек вкусный есть: «Четверть часа в пасти хищника».

Морщины на лбу главного разгладились.

— Это мысль! — сказал он, благосклонно посмотрев на Редькина. — Будет кое-кому фитиль. Дадим, пожалуй, добро, а?

Дома мое сообщение отнюдь не вызвало паники.

— Что такое в конце концов лев? — философски заметила теща. — Большая собака...

Меня это не утешало, ибо даже встреча с обычной малогабаритной шавкой заставляла учащенно биться мое сердце.

— Лев, как правило, первый никогда не нападает на человека, — наставительно изрекла жена. — Впрочем, с твоим характером...

Только сын-первоклассник озабоченно отвел меня в сторону.

— Учти, — прошептал он, — львы особенно опасны в период брачных игр.

В цирке идея свести меня с глазу на глаз со львом поначалу не встретила сочувствия.

— Общественность против, — сказал председатель месткома. — Что ж это получается: вы лишитесь какой-нибудь там ноги или руки, а всему коллективу улыбнется квартальная премия. Хорошенькое дело!

Дрессировщица хищников, массивная блондинка с жестким, не располагающим к замужеству профилем, одетая в красный с золотом польский кунтуш времен лежаревича Димитрия, тоже отнеслась к моему предложению холодно. Однако после появления в нашей газете очерка под заголовком «Царица манежа и цари пустыни» она сдалась.

— Попробуем, — сказала дрессировщица и испытующе оглядела мою фигуру. — Штангу не поднимали? Боксом или самбо не занимались? М-да... В случае чего помните: Цезарь любит музыку. Вы Второй концерт для фортепиано с оркестром Листа можете насвистывать? Он обожает.

Ответственный у брандспойта униформист Потапыч фамильярно подмигнул мне и предупредил:

— Ты, Витек, учти: напор, он силу не всегда берет. И струя обратно может сбой дать. Понял?

Я понял. И вечером повел Потапыча в ресторан.

...Перед тем как войти в клетку, я заглянул за кулисы. Служительница при хищниках тетя Маша расчесывала перед зеркалом свои кудряшки. Я спросил официальным тоном:

— Хищник накормлен?

— Ага.

— Что было в рационе? — деловито продолжал я. — Углеводы? Белки? Жиры? Витамины?

— Что положено, то и было, — небрежно ответила тетя Маша и легкомысленно мазнула пуховкой по носу.

«Наводит тут красоту, — затосковал я, — а лев, может, углеводов или там жиров недобрал и вздумает, паршивец, за мой счет пополнить меню».

Когда я вошел в клетку, дрессировщица сидела на стуле. Рядом, лениво полузакрыв глаза, лежал Цезарь.

— Садитесь, — сказала дрессировщица. — Сначала я расскажу вам что-нибудь любопытное о львах. Знаете, почему они растерзали известного укротителя Тагорэ?.. Впрочем, лучше говорите сами. Только не делайте резких движений.

Резких движений... Я и шевельнуться не мог — все мое тело сразу стало ватым. Мной в этот момент можно было подбить десяток зимних пальто.

Цезарь высокомерно игнорировал мое присутствие. Я осмелел и начал вполголоса декламировать басню Михалкова «Заяц во хмелю». Лев сонно замурлыкал. Чтобы напомнить ему о своем существовании, я громко кашлянул.

Цезарь лениво зевнул, обнажив необъятную семужно-розовую пасть с чудовищными, немыслимо отточенными зубами. Потом нехотя открыл один глаз, внимательно посмотрел на меня и плотоядно облизнулся.

Первый раз в жизни я почувствовал себя съедобным.

— Ученые пришли к выводу, — сказала дрессировщица и небрежно почесала Цезаря стеком между лопаток, — что из крупных хищников львы лучше других сживаются с человеком.

— Скажите, а сами львы об этом знают? — покосившись на Цезаря, спросил я.

В этот момент зверь приподнялся, потянулся и огласил манеж рыком, перед которым рев реактивного самолета, переходящего звуковой барьер, ничто.

Я пополз было к выходу, и только мысль о том, как возрадуется конкурент Редькин, удержала меня на месте.

— Будем кончать, — сказала дрессировщица и ласковым пинком подняла Цезаря на ноги. — Поднимайтесь...

Лев, виляя задом, поплелся к выходу. Я попытался встать, но земное тяготение оказалось на этот раз сильнее. Оторвать ноги от манежа мне не удалось.

— Небольшой шок, — небрежно констатировала дрессировщица и, стиснув мою руку, милостиво бросила:

— Вы вели себя, как лев!

...На редакционной летучке меня критиковали за то, что репортаж «малоэмоционален». Их, конечно, устроил бы другой исход... И все в один голос хвалили моего извечного конкурента. Кончилось дело тем, что Редькин получил премию за «оригинальность темы репортажа».

РОМАНС ДЛЯ БУРЕНКИ

Председатель колхоза «Рассвет» Панкрат Кузьмич Студеникин приехал из районного центра в бурломном настрое. Через четверть часа все члены правления были по тревоге вызваны к нему. Панкрат

Кузьмич прижег взглядом разлившийся было по комнате шепоток и суровым, проработочным голосом сказал:

— Информую: только наш «Рассвет» не выполнил квартальный план по надюю молока. Какие будут предложения?

Студеникин бескомпромиссно врубил ребро ладони в стол и грозно оглядел собравшихся.

— Есть идея, — прогудел наконец бухгалтер Михай Степаныч, постоянный подписчик почти всех периодических изданий, несущих в массы научно-популярные знания. — Углядел я тут в одном печатном органе сообщенище, будто ученые музыку приспособили. Играют при кормлении скота разные мотивчики, и удои повышается. Процент на тридцать...

Председатель заинтересованно посмотрел на бухгалтера.

— Это что же, — с любопытством спросил он, — под музыку перевар лучше совершается или того... калорийность повышается?

— О сем не уточнено, — вздохнул бухгалтер, — однако же факт.

При этих словах Панкрат Кузьмич оживился и закивал головой. Эксперименты он уважал.

Наметившееся было ослабление напряженности чуть не сорвал колхозный пенсионер Лукич.

— Как же это понимать? — пропел он тонким тенорком. — Заместо комбикормов теперь эти самые фуги-буги будем скотине подкидывать?

— Ты эти отсталые настроения брось, Лукич, — строго сказал председатель. — назад нас не тяни. Ставить эксперимент надо!..

На следующий день специальная бригада во главе с колхозным радистом Евгением Васюком в аварийном порядке провела трансляцию во все животноводческие помещения. Теперь в часы кормления под сводами коровника звучали танец с саблями Хачатуряна и прелюдии Шопена. Сказывался вкус Васюка — поклонника музыки серьезной, не дающей повода для дискуссий.

Через две недели Панкрат Кузьмич созвал в правлении совещание: никаких сдвигов по части надоев не намечалось.

— Что будем делать? — мрачно спросил председатель и вытер пестроцветным платком пот с крутых надглазников.

— Может, репертуар не угадали? — осторожно вставил завклубом Терентий Переверткин, местный законодатель вкусов и мод. — Сейчас поп-музыка в почет входит, на эмоции, говорят, хорошее действие оказывает...

При слове «поп-музыка» уборщица тетя Паша встрепенулась и согласно закивала головой. Благостная улыбка разлилась по ее лицу: ей уже почудились сладкие звуки церковных песнопений.

Председатель побагровел.

— Куда нас тянешь, Терентий? В безыдейщину? — погрозил он пальцем. — Не выйдет...

— Попробовать ежели индивидуальный подход? — робко подсказал Михай Степаныч. — Скотина, она ведь тоже с норовом...

— Перебор! — обрезал его Студеникин. — Не хватает, чтобы мы еще среди буренок анкету провели: какую музыку вы предпочитаете?

Сошлись на том, чтобы попробовать русскую народную песню. Однако Лидия Русланова при мощной поддержке Хора имени Пятницкого не вызвала молочной реакции у рогатых упрямыц.

Следующий этап — переход на старинный романс — сопровождался организацией совета по репертуару. Однако предложенный им перечень произведений был начисто отвергнут Панкратом Кузьмичом.

— Не учили профиля, — отчитывал он членов совета. — «Пара гнедых», «Вот мчится тройка почтовая», «Ах, вы, кони, кони-звери»... Вы что — от жеребцов молока ждете, что ли?

Однако, как выяснилось, композиторы прошлого почему-то избегали перекладывать на музыку стихи, посвященные буренкам.

Несколько оживил дело приезд кандидата искусствоведческих наук Олега Модератова. По его рекомендации была начата серия опытов с использованием современной легкой музыки. Сам же Модератов был зачислен на должность отсутствовавшего в колхозе главного зоотехника и тут же начал писать диссертацию «Влияние современных эстрадных песен на повышение удоев в условиях Среднерусской возвышенности».

Однажды вечером в правление прибежала доярка Маша Лучинкина. Радость, светившаяся на ее лице, заставила председателя привстать со стула.

— Коровы повысили удои? — с надеждой спросил он.

— Чернушка петь начала, — заулыбалась во весь рот Лучинкина. — На вечерней дойке так «Дорогой длиною» промышчала — слезу прошибает...

Панкрат Кузьмич застонал.

— Закрывай коровью филармонию. Давай мобилизуйся на заготовку кормов.

— Да где же их нынче раздобудешь?

К счастью, выручил появившийся наконец в колхозе главный зоотехник. Пользуясь старыми деловыми связями, он одолжил у коллег из соседней области первосортное коровье питание. Через неделю коровы начали повышать удои.

Однако музыкальный эксперимент не пропал даром. Организованный под его влиянием хор доярок «Рассвета» слывет теперь лучшим в округе. Руководит хором кандидат искусствоведческих наук Олег Модератов.

БЕСКОМПРОМИССНЫЙ ПИРОЖКОВ

В этот вечер в кабинете Титана Арсентьевича Пирожкова, директора пригорского ликеро-водочного завода, было многолюдно. Кроме футболистов заводской команды «Стрела» во главе с ее

тренером Матвеем Ласточкиным, в кабинете с непроницаемыми, как у индейцев племени сиу, лицами сидели все ведущие футбольные специалисты.

Совещание обещало быть бурным. Дело в том, что команда «Стрела» провела сезон из рук вон плохо. А Т. А. Пирожков ревниво охранял футбольный престиж своего предприятия. Ввиду того, что за свою долгую руководящую жизнь Пирожков возглавлял немало различных предприятий, от городской бани до чулочной фабрики, он твердо уверовал в собственные безграничные способности и считал каждое поражение своих подопечных на зеленом поле ударом по собственному авторитету. Ценные указания по линии тактики и техники, которые щедро давал Титан Арсентьевич, так истощали его, что на управление заводом резервов не оставалось. И поэтому производственными успехами родной коллектив тоже его не радовал. Но причину этого Пирожков видел в другом.

Он привычно постучал карандашом о графин, откашлялся и потряс сводкой о выполнении плана.

— Прямая зависимость! Девяносто восемь процентов! Что вы со мной делаете? Без ножа режете...

Пирожков драматически закатил глаза и от волнения расстегнул пряжку широкого начсоставского ремня, который перетягивал зеленую гимнастерку на его выпирающем кислородной подушкой животе.

Футболисты «Стрелы» одновременно, как по судейскому свистку, покаянно склонили головы. Только Федор Клыш, «премьер» команды, мастер кинжальных, пласированных и резаных ударов, вел себя пренебрежительно и надменно. Он сидел в нарочитом отдалении от команды и пижонски покачивал ногой.

Матвей Ласточкин ощупывал в кармане баночку с валидолом — в воздухе пахло грозой: на открытом листке настольного календаря директора можно было прочесть: «19 часов — футбол. «Стрела». Сделать оргвыводы».

Пирожков, как опытный лицедей, выбрал мишень, вперив взгляд в морковную шевелюру вратаря Антона Бабочкина.

— Позор! — загремел на голосом провинциального трагика. — В последнем матче на первенство области проиграли аутсайдеру — «Комете». В кубке не дошли даже до четвертьфинала. А результаты? Завод на два процента недовыполнил план. Позор!

Пирожков в полном расстройстве снял ремень и потряс им в воздухе. Ласточкин на всякий случай отодвинулся подальше.

— Несознательный вы народ! — возмущенно продолжал директор. — Вот, к примеру, ты, Антон, о чем ты думал, когда пропускал в последней игре решающий гол? Ах, ни о чем? А знаешь, душа из тебя воет, что этот твой гол не меньше чем на один процент план назад потянул? Топишь родное предприятие, товарищ Бабочкин! Не способствуешь!

Пристыженный Антон не поднимал глаз от пола.

— Ну, а ты, Федор... — Пирожков устремил свой обличительный пафос на Клыша. — Разве ты в футбол играешь? Ты на нервах у руководства играешь! На тебя все передовики смотрят, а ты, разгильдяй, в двух метрах от ворот мажешь. Где чувство ответственности за производство, товарищ Клыш? В твоей ноге, можно сказать, судьба плана, а ты...

И директор, безнадежно махнув ремнем, сел на стул.

— Ухожу я из команды, — угрюмо пробурчал Клыш.

— Куда же это ты, Федя, собрался? — жирным подхалимским голосом спросил Ласточкин.

— Перехожу в «Статор»... — И Клыш блудливо отвел глаза в сторону.

— К Чреватому? — Ласточкин задохнулся от ярости. — К этому невежде?.. К этому прохвосту?.. К этому душегубу?..

Между тренером «Статора» Чреватым и Матвеем давно уже шла тайная война. Ласточкин приехал в Пригорск три года назад. Его застоявшаяся тренерская мысль обрела здесь невиданный творческий простор. Матвей смело, по-новаторски отбросил все старые футбольные схемы, жиздившиеся на примитивном сложении, перешагнул через остальные три действия арифметики и разработал оригинальный тактический вариант на тригонометрической основе.

В результате Ласточкин со скромной ставки технолога ликероводочного завода был переведен на зарплату главного дегустатора. Однако Чреватый не дремал — тайная разведка приносила сведения самые неутешительные. Будто бы тренер заклятых соперников пользовался услугами электронного мозга. А выведенная им формула, если верить слухам, включила в себя элементы дифференциального исчисления. Исключенный из восьмого класса за неуспеваемость, Матвей считал это ударом ниже пояса.

— ...К этому гангстеру?.. К этому невежде?..

Ласточкин почувствовал, что начинает истощаться, и быстро переменял направление удара.

— И что тебе надобно, Федя? Мы ли тебя не ценили? Ко дню Восьмого марта жене твоей импортные сапожки достали? Достали. Ко Дню физкультурника мопед тебе подарили? Подарили...

Тренер льстиво заглянул в глаза Клышу.

— Хочешь, в общественный совет газеты «Пригорская заря» введем? Деятелем будешь.

— Попугая хочу. Ко дню рождения, — проникновенно сказал Клыш, и глаза его алчно засветились. — Белого. В красных сапожках. И чтоб говорил...

Федор сделал почти мхатовскую паузу и небрежно добавил:

— Чреватый попугая дает. Массажиста за ним послал. В Москву...

Футболисты, до того равнодушно смотревшие на эту сцену — им не привыкать было к выкаблучиванию очередных премьеров, — оживились: до попуга дело еще не доходило.

Ласточкин быстро сориентировался в обстановке.

— Есть у меня на примете птица, — вдохновенно зачастил он. — Тоже попугай. Интеллигентный. На трех языках шпарит. Разобьюсь, а достану. Договорились?

Федор Клыш обладал железной ногой, бескомпромиссным ударом, но мягким, отходчивым сердцем. Тем более что история с приглашением в Заславск была придумана им только сегодня. И он с достоинством протянул Ласточкину свою мозолистую от игры на бильярде руку.

— Надо немедленно изыскать попуга, товарищ Ласточкин, — строго сказал Пирожков. — А теперь давайте предложения насчет будущего сезона. Чем команду поднимать будем?

Мозг тренера-новатора Ласточкина лихорадочно работал. Что можно противопоставить этому интригану — Чреватому? Вызов в качестве консультанта известного иллюзиониста Кио? Так ведь не поедет. Применение гипнопедии? Разучивание во сне секретных комбинаций? Нет, на это Пирожков не клянется... Эх, была не была!..

— Есть у меня в задумке система. — Матвей искательно посмотрел на директора. — Хочу тангенс применить...

Титан Арсентьевич налился помидорным цветом.

— Знаем мы эти тангенсы-котангенсы, Ласточкин. На твоём косинусе сезон профукали. Садись...

Поднял руку вышедший уже на пенсию дядя Саша, тренер-практик, известный оратор, но завязанный догматик.

— А что, если дубль-ве опять попробовать? — мечтательно предложил он. — На испуг взять?.. А?

— Не проходит, — сухо сказал Пирожков. — Кто следующий?

Футболисты-мыслители молчали.

— А может, схему $1+4+2+2$ в ход пустить? — нерешительно вставил второй тренер Семен Почечуев.

— Это почему же не одиннадцать, а девять? — изумленно спросил Пирожков.

— Так Клыша и Редькина за грубость всегда с поля выгоняют, — вздохнул Почечуев. — Выпадают они из системы...

— Куда ты толкаешь нас, Почечуев? — укоризненно погрозил ему пальцем Титан Арсентьевич. — Отсталые у тебя настроения. А чем ты порадуешь, Степан Павлович?

С. П. Платонических, главный специалист центрально-черноземной зоны по футболу, сосредоточенно нахмурил брови.

— Психологический фактор упустили, — солидно пророкотал он. — Есть у меня на примете московский дока. Из научно-исследовательского института. Он сейчас эксперимент ставит: влияние положительных стрессов на результативность нападающих.

Пирожков с сомнением покачал головой.

— Стрессов? Не тот фактор, Степан Павлович, не наш... С этой иностранщиной, знаешь, до чего докатиться можно?.. Ваше слово... — И Титан Арсентьевич вопрошающе посмотрел на представителя центрального совета общества «Стрела».

Но представитель сделал каменное лицо.

— У меня есть свое мнение, — сухо сказал он. — Но я его не разделяю.

Титан Арсентьевич недовольно поглядел на собравшихся и вызвал машинистку.

— Будем принимать свои меры, — мрачно сказал он.

После этих слов директор наконец опоясался и злобещим голосом начал диктовать:

«Мною замечена прямая зависимость между игрой заводской футбольной команды «Стрела» и выполнением производственного плана. Ввиду того, что в истекшем сезоне кривая поражаемости «Стрелы» круто пошла вверх, а производственные показатели снизились, приказываю:

1. Нападающим повысить процент попадания.

2. Вратарю резко улучшить прыгучесть и поднять уровень непропускаемости.

3. Довести процент поражаемости до нуля, обеспечив тем самым выполнение и перевыполнение плана выпуска продукции. Точка».

И Титан Арсентьевич победоносно оглядел собравшихся.

АКСЕЛЕРАТЫ

Внимание! Внимание! Наш микрофон установлен сегодня в бассейне «Динамо», где проходят соревнования на приз «Золотая соска».

Сейчас участники очередного заплыва готовятся к старту. Обратите внимание на спортсменов, которые поплывут по пятой и шестой дорожкам. На голубом горшочке с буквой «Д» сидит представитель «Динамо» Вова Клепиков, а на красном с белым перехватом горшочке — спартаковец Гуля Фунтиков. Они показали на тренировочных прикидках лучшие результаты.

По мнению специалистов шансы на победу предпочтительнее у Вовика. Он только что вернулся из Рио-де-Жанейро, где установил мировой рекорд в плавании на спине среди детей ясельного возраста. К тому же юный рекордсмен отличается незаурядной волей и целеустремленностью. Как рассказала нам мама Клепикова, он добровольно выпивает перед сном по лишней ложке рыбьего жира и ни разу не отказался от манной каши.

Итак, внимание! Сейчас будет дан старт. Участники снимают распашонки и подходят к бассейну. Сигнал стартера и... Фальстарт?

Минуточку, выясним, что произошло. А ничего страшного, Вова и Гуля не поделили резинового Чебурашку, которого кто-то уронил в воду. Вот они уже пожали друг другу руки и вновь, с помощью мам, заняли свои места на старте.

Выстрел — и маленькие пловцы на дистанции. Как мы и ожидали, основная борьба разгорается между Вовой и Гулей. Постепенно вперед выходит Гуля. Он весь устремился вперед, к финишу, где стоит его мама и показывает ему мороженое «Эскимо».

Вова и Гуля сражаются за каждый метр дистанции. Финиш все ближе и ближе. Последнее усилие — и Фунтиков первым касается стенки. С криком «уа», «уа» (видимо, он хочет сказать «ура») счастливый победитель бросается к маме и выхватывает из ее рук «Эскимо»...

Но что случилось? Оказывается, за применение его мамой морального допинга — мороженого «Эскимо» — Фунтиков дисквалифицирован. На верхнюю ступеньку пьедестала почета ставят Вову Клепикова, который не может сдержать своих чувств и громко плачет. Но вот уже спешит к нему с горшочком его мама... Попросим героя сегодняшнего дня сказать радиослушателям несколько слов. Дорогой Вовик! Расскажи дяде, как проходил заплывчик и что помогло тебе установить рекорд?.. Вовочка, что ты делаешь! Это же не горшочек, а микрофончик...

(В радиоприемниках слышны какие-то странные звуки и неясный голос спортивного комментатора: «По техническим причинам мы вынуждены прервать передачу».)

ЖЕРТВА ФУТБОЛА

Все, братцы, слава богу, отыгрался. Отчисляют меня из команды с завтрашнего дня. Не результативный ты, говорят, теперь Фунтиков, был ты нападающий, а стал непопадающий... И что только не пробовали, чтобы меткость мне вернуть! И скрытый прицел... электронный... на бутсы ставили. И моральный раздражитель применяли: посулили после сотого гола на курсы дегустаторов послать. Не идет мяч в ворота — и все...

Вы считаете, я действительно голы забивать разучился? Дудки! Это я нарочно теперь в ворота не попадаю. Даже с двух метров. А думаете, это легко?

Знаете, с чего все началось? Ведь в начале-то сезона без гола с поля не уходил. А что толку? Чуть инвалидом не остался. Как? Очень просто. Только мяч в сетке противника затрепыхается, я руку вверх вскидываю — и к центру. А навстречу мне вся наша полузащита сломя голову чешет. Под корень меня подсекают, на траву валят — и давай лобызать.

По первому разу я легко отделался — вывихом ключицы. А когда в следующем матче решающий гол «Статору» залепил, тут уже почти вся команда наперехват бросилась. Я от чужих ворот зайцем, а они, как в регби — видели, наверное? — веерный заслон мне устроили; нападение и полузащиту-то я обошел, а на свободном защитнике нашем, Семиглазове, и споткнулся. Он меня подножкой скосил — за такое безобразии в игре наверняка бы одиннадцатиметровый заработал, — потом с земли меня приподнял и в губы мне впился. Затяжным поцелуем, секунд на тридцать. Публика и то разволновалась, кричит: «Горько! Горько!». А он, Семиглазов, разгорячился, стиснул меня — не продохнуть. А сам тянет килограмм на сто, ему бы штангу ворочать, а не шарик гонять. Тут-то я и скопытился, ноги и откинул. Врач за пульс подержался и говорит: «Диагноз здесь один — поцелуйный шок».

В больнице рентгеном просветили: два ребра пополам, позвонок наперекосяк пошел. А тут еще Феня моя моральную травму мне наносит. Пришла в палату и заявляет: «Ты меня, Вася, так сроду не целовал, как этот Семиглазов. С трибуны смотреть просто срам было. Хоть на ворота стадиона плакат вешай: «Детям до 16 лет вход воспрещен».

Вышел я после этой производственной травмы и теперь к штрафной площадке противника стараюсь не приближаться. Про себя тихонько напеваю из «Евгения Онегина», помните? «Когда бы жизнь центральным кругом я ограничить захотел...» Однажды, правда, не удержался, сам не заметил, как в пяти метрах от чужих ворот очутился — и мяч в ногах. Хорошо, техника не подвела — с трудом чуть выше штанги пробил. И опять не рассчитал. Их вратарь решил спасибо сказать, бросился ко мне — и как пиявка впился. А на подмогу к нему, вижу, «чистильщик» наострил. Ну, думаю, опять мне больничной койки не миновать, расслабился, сделал бросок от ворот до раздевалки...

А теперь я вольный казак. В водное поло хочу податься. Там, если ненароком и забьешь, всегда можно на дне отлежаться. А не пойдет дело, в науку ударюсь, за кандидатскую возьмусь: «Влияние таборных песен на результативность нападающих». Одно меня только и заботит: диссертанта после удачной защиты не принято целовать?

ИСПОВЕДЬ ТОЛСТЯКА

Первый тревожный сигнал подал сын Костя.

— Папа, — сказал он. — У тебя щеки стали видны со спины.

Через несколько дней я с ужасом обнаружил, что, стоя прямо и глядя вниз, не вижу собственных носков, так как их заслоняет живот.

Ах, этот живот! Прежде рядовая, ничем не выделяющаяся часть моего тела, он зажил теперь самостоятельной жизнью. По ночам противно сваливался набок, днем предательски тянул меня к земле, а когда я чуть припускал, чтобы поспеть к троллейбусу, он колыхался, как озеро во время землетрясения.

А ведь раньше я никогда не страдал склонностью к полноте. В детстве никому не приходило в голову дразнить меня Жиртрестом или Промсосиской. В студенческие годы по мне можно было изучать анатомию человека. Даже после женитьбы я сохранял еще долгое время стройность и благородную легкость походки.

Все началось с того, что мы воссоединились с родителями жены.

— Петя, — сказала жена воркующим голосом (первый признак, что меня ждет какая-то неприятность), — давай съедемся с папой и мамой.

— Послушай... — начал было я.

— Нет, нет, и не думай возражать, — перебила жена. — Здоровье у папы уже не прежнее, ему нужен уход. И потом, — жена ласково потрепала меня по затылку, — мы получим третью комнату, и у тебя будет свой кабинет. Чудесно?

Тестя прихватывало по ночам. Он страдальчески охал, кричал, шлепая туфлями, бежал в кухню пить соду, не давая нам спать. Зато днем вкусно храпел на диване, и все вынуждены были ходить на цыпочках.

К обеду тесть выходил выспавшийся, розовый, благодушный. Как полководец перед боем, осматривал накрытый стол и на минуту скрывался на кухне, откуда доносилось затем подозрительное звяканье.

Начинался обед, и тесть исполнял с тещей дуэт на гастрономические темы.

— Чем добру пропадать, пусть лучше пузо лопнет! — восклицал тесть, выливая в свою тарелку остатки мясного борща.

— Чем в таз, лучше в нас, — Жизнерадостно вторила теща и с хрустом разгрызала очередную мозговую косточку.

После первого тесть багровел и, нацелившись вилок, выхватывал с блюда недоеденный кусок паштета из печенки.

— Говорят, что пожилым людям есть много мясного вредно, — осторожно вставлял я.

— Все полезно, что в рот полезло, — без задержки парировал тесть.

— Что сегодня не съел, пиши пропало, — в гастрономическом раже подхватывала теща, кладя в тарелку вторую порцию кровавого бифштекса.

После обеда тесть делал бросок в «Гастроном». На столике перед телевизором (который стоит, конечно, в комнате, предназначавшейся под мой кабинет) появлялись бутылки с пивом, круг ливерной колбасы и добрый шматок сала — подарок сестры из деревни.

Загорался голубой огонек, и челюсти тестя начинали ритмично работать. Его вдохновляло все: лекция «Детская преступность в США», передача «Спокойной ночи, малыши!» и беседа на тему «Увеличим удои». Даже научно-познавательная программа «Неправильное питание — одна из причин атеросклероза» не могла испортить ему аппетит.

Меня постепенно тоже свернули на эту дорогу чревоугодия.

— Человек кушает не для того, чтобы жить, а живет для того, чтобы кушать! — с энтузиазмом восклицал я, уписывая третью тарелку жирного борща.

— Как в животе не тесно, а все есть место, — поддакивал я тестю, нажимая после обеда на сдобные пироги с яйцами и капустой.

А по ночам вместе с тестем стонал и охал, глотал соду и ставил на живот грелки. На работе я теперь чаще всего мирно дремал. Квартальной премии меня лишили, продвигать по службе перестали. А в довершение всего на днях я услышал, как миловидная дама в трамвае шепотом сказала дочке:

— Уступи место этому толстому дяде. Видишь, он загородил весь проход...

Нет, так продолжаться не могло. И я пошел к врачу.

— На обед — больше овощей, поменьше жирного, мяса. Супчик протертый — и только несколько ложек. Побольше ходить пешком и делать гимнастику. На ночь — стакан чая. И, конечно, никакого спиртного... Ну и один день разгрузочный — посидите на овощах и фруктах.

Он пробубнил это с равнодушным видом, точно заранее был уверен, что все попытки усюветить такого обжору, как я, безнадежны.

Через два месяца я снова пришел к врачу. Он поставил меня на весы и нервно вздрогнул: привес составлял ровно пять килограммов.

— Вы соблюдали тот режим, который я назначил? — испуганно спросил он.

— Еще бы! — ответил я. И говорил правду. Ибо я действительно взялся за себя по-настоящему. Утром делал внушительную зарядку и обливался холодной водой. Домой с работы ходил пешком. Под презрительными взглядами родителей жены глотал в обед половничек постного жиденького супа, наскоро прожевывал кусочек вываренной, бледной телятины с овощным рагу и уходил кататься на лыжах или играть в теннис. Пиршественным оргиям у телевизора пришел, конечно, конец. Перед сном я позволял себе только стакан чая с бисквитом...

Правда, после утренней гимнастики и ледяного душа я перед работой перехватывал с лотка пятак пирожков с мясом. По дороге домой (а шел я действительно пешком) да еще по морозу не мог устоять перед запахом, доносившимся из шашлычной. А вечером, когда возвращался из парка, на моем пути были пивная, сосисочная

и пельменная. Но зато разгрузочный день соблюдал как святыню... Правда, на следующее утро, в пять часов, когда дома все еще спали, я совершал набег на холодильник. Окорок, полученный тестем из деревни, тощал на глазах, яйца я пил прямо сырыми, сливочное масло ел столовой ложкой...

Постоянной моей спутницей стала теперь одышка. Костюмы я могу покупать только в магазине «Богатырь».

Но теперь — баста! Завтра я еду в отпуск — в деревню, на рыбалку. Это станет началом новой жизни. Беру с собой только сухари. Питаться буду только овощами. Ну, когда побалуюсь, конечно, молочком... И все!

Вот только сейчас сбегая в шашлычную. Последний разок... Честное слово!

РАДИКУЛИТИС АКУТА

Радикулит — болезнь особая. Она почему-то вызывает веселые улыбки у той половины человечества, которую не затронул этот недуг, и неумную жажду давать советы — у другой.

Стоило мне в гостях обмолвиться о том, что невидимый садист и мучитель исподтишка вонзает нож в мою подспинную область, как посыпались рекомендации.

Тигровая мазь. Змеиный яд. Перцовый пластырь... Если бы все большие радикулитом следовали этим рецептам, на земле давно не было бы даже следов тигров и змей, а перец по недоступности возвели бы в один ранг с красной икрой и тресковой печенью.

Я уже умалчиваю о таких примитивных способах лечения, как проглаживание спины утюгом, горячий песок или керосиновый компресс... Причем каждый из доброхотов-лекарей яростно и бескомпромиссно отстаивал свою методику, кляня и уничтожая все прочее.

Когда дело дошло до втирания подсолнечного масла, авантажная дама с корпусом, вылепленным в виде буквы «ф», и сиреневым шиньоном на голове таинственно поманила меня из-за стола.

— Так дело до заговора и святой воды дойдет, — презрительно сказала она. — И это в эпоху изотопов, лунохода и стихов Андрея Вознесенского. Какое невежество! Не вздумайте, голубчик, слушать этих варваров. Медицина в наши дни творит чудеса...

Как ее зовут, мучительно вспоминал я, Калория... Кавалерия...

— Что вы, Калерия Львовна, — робко начал я, — как раз собирався обратиться в нашу поликлинику. Там раз в месяц принимает профессор. Специалист в этой области...

Калерия Львовна посмотрела на меня, как орудовец на провинившегося шофера.

— Поликлиника? — высокомерно выдохнула она. — И это говорит культурный человек! Кто не знает, что приличного врача можно заполучить только частным образом. А что касается радикулита, то тут двух мнений быть не может — это Клевицкий-младший. Восходящее светило! Весь в отца. И между прочим, консультант по радикулиту в футбольной сборной.

И хотя мне было совершенно неясно, кто такой Клевицкий-папа, упоминание о сборной и очередной кинжальный удар под нижнее ребро сделали свое дело — я согласился.

В мою квартиру Клевицкий-младший влетел, как вихрь. Наружность восходящего светила была несколько экстравагантной. В рыжей шкиперской бородке блестел кусочек позавчерашнего студня. Нечесанные патлы свисали на воротник длиннополого обтерханного сюртука, типа, известного в уголовном мире под названием клифта. Вельветовые брюки были заправлены в ботфорты времен Людовика XIV. В углу рта паровозно дымил индейская трубка.

— Извините за опоздание, — галантно шаркнул ногой Клевицкий-младший. — Заскочил в комиссионку — мне оставили там фирменный кафтан. Мечта! Вырубоны до лопаток...

И светило протянуло мне отливающий всеми цветами радуги пиджачок с разрезами чуть ли не до подмышек.

— Впрочем, что же это я, — спохватился доктор. — Приступим к делу...

Он небрежно сыграл на моих позвонках легкую гамму и попросил поднять правую ногу. Я охнул.

— Болит? — удовлетворенно спросил Клевицкий-младший. — Все ясно! Будем лечиться укусами термитов. Скажите, у вас нет знакомых в слаборазвитых странах? Нет? Досадно... А как насчет долларов? Фунтов? Франков? Тоже нет? Ладно, как-нибудь выйдем из положения. На днях сборная летит в одно молодое африканское государство. Попросим центрального нападающего захватить на обратном пути небольшой термитник.

Бескорыстность доктора потрясла всю нашу семью. Он мягко остановил мою руку с зажатой в ней красненькой.

— Что вы, что вы! Мы же интеллигентные люди. Только ради Калерии Львовны.

На прощание Клевицкий-младший подарил мне рентгеновский снимок сборной с автографами всей команды.

Через две недели два дюжих мужика в синих халатах водворили в прихожую ящик конусообразной формы. Затем в проеме двери показалась рыжая борода, обрамленная клубами синеватого дыма.

— На этот раз центрфорвард не дал промаха! — бодро воскликнул доктор. — Это прямо какой-то футболист-гуманист. За всю операцию просит только...

Сумма, которую мы услышали, потрясла мой ослабевший от радикулита организм. Мне стало совершенно ясно, что теперь с путевкой в Цхалтубо придется повременить до будущего года, а покупку жене демисезонного пальто с мини-воротником из норки отложить на неопределенное время.

Термитник был установлен в новом серванте «Хельга». Впрочем, муравьи чувствовали себя, как дома, во всей квартире. После их хищных набегов на буфет семейные запасы бакалеи таяли, как снег. По ночам раздавались отчаянные крики — это термиты расправлялись с моими домочадцами.

Освоившись, кровожадные насекомые начали совершать дальние рейды в другие квартиры. По дому поползли панические слухи. В моей семье начался разлад. Теща в знак протеста купила туристскую палатку и уехала на озеро Селигер ловить спиннингом щук. У жены повысилась роз. Дети заболели краснухой.

Но самое удивительное заключалось в том, что эти существа не скупилась на незапланированные укусы, щедро одаривая ими все население нашего дома, и... категорически отказывались вводить свой целебный яд в мой организм.

Когда Клевицкий-младший подносил к моему телу зажатого в пинцет муравья, тот отчаянно шевелил конечностями и угрожающе тараторил глазки, всем своим видом демонстрируя, насколько противна ему эта операция.

— Все ясно, — сказал доктор после очередной бесплодной попытки заставить муравья укусить меня в подспинную область, — вы чем-то не нравитесь этим насекомым. Надо их обмануть — попробуйте натереться эвкалиптовым кремом...

Ни эвкалиптовый крем, ни розовое масло, ни настой из почек черемухи не помогли — термиты мной нахально пренебрегали.

— Не беда, — сказал Клевицкий-младший, почесывая твердокаменным ногтем неопрятную бородку, — есть выход: на днях сборная едет в Южную Америку. Упадём в ноги центральному нападающему — попросим привезти сок гигантского кактуса.

До этого, слава богу, не дошло. Моя тетка, сидя у нас в гостях, услышала фамилию «Клевицкий».

— И вы доверились этому проходимцу? — ужаснулась она. — Этому недоучке? Его вышибли с третьего курса института за неуспеваемость. А сейчас он оттирается возле приезжающих из-за границы спортсменов и кланчит у них разное тряпье...

Моя семья дружно издала радостный вопль. Вдвоем с сыном мы вынесли термитник из дома и под покровом темноты сбросили его в речку.

— Как ты мог связаться с таким проходимцем? — не унималась тетка. — А еще интеллигентный человек!

Она жалостливо взглянула на мою фигуру, похожую на полураскрытый перочинный ножик.

— Болит? Ах, бедняга! Нет, тебе надо лечиться серьезно. Я буду не я, если не добьюсь, чтобы к тебе приехал сам Аполлон Модестович. Гомеопат! Двадцатка за визит, такси, но зато профессор!

Открывать волшебнику пошла жена. Через минуту она с растерянным видом вернулась в комнату.

— Есть у тебя деньги? Профессору надо расплатиться с таксистом.

Судя по сумме, можно было предположить, что маг и чародей совершил до меня визит не ближе, чем в Волоколамск! Однако вид профессора сразу уничтожил все мои сомнения. Палевый воротник из нещипаной выдры подпирал холеные щеки. Шапка-пирожок из того же меха чуть прикрывала залысины мыслителя, под которыми пылала золоченая оправка очков. В руках он держал акушерский чемоданчик импортной кожи.

— Как мы себя чувствуем? — вкусным рокошущим баритоном спросил профессор. — Вы уже пообедали?

— Нет, — гордый своей предусмотрительностью, ответил я (медики, конечно, предпочитают смотреть больного на пустой желудок).

— Великолепно, — потирая руки, сказал маг и чародей, — пообедаем вместе... А теперь покажите-ка язык. Отлично! Поднимите ногу. Больно?

Мой утробный стон не требовал пояснений.

— Радикулитис акута, — констатировал профессор.

Он вынул из замшевого футляра паркеровскую ручку и на бланке со штампом, который одинаково мог принадлежать тресту «Главпийка» или конторе «Заготзерно», начертал что-то по-латыни.

— Пьете? — строго спросил доктор.

— Нет.

— Рюмочку коньяка можно. Даже нужно. Особенно перед обедом.

Обед прошел, как пишут в официальных отчетах, в обстановке дружбы и взаимного понимания. После четвертой рюмки лицо гомеопата цветом уже напоминало земляничное мыло и излучало веру в безграничный прогресс медицинской науки... После шестой он произнес клятву Гиппократата, и седьмая исторгла из его груди первый куплет «Гаудеамуса»...

Через каждые два часа я принимал теперь белые шарики чуть не из дюжины разных коробочек. Раз в две недели являлся с визитом профессор. Причем точно в обеденный час.

Исчез он после четвертого посещения. На другой день обнаружилась пропажа золотых фамильных часов и серебряных ложечек.

— Легко отделались, гражданин, — сурово сказал лейтенант милиции, вызвавший меня в качестве потерпевшего.

Не отделался я только от своего недуга. Путь у меня теперь был один — в поликлинику.

После целой серии анализов и рентгеновского снимка врач — молоденькая женщина с серыми насмешливыми глазами, уложила меня на деревянный топчанчик, покрытый простыней.

— Ох,— вскрикнул я после команды поднять ногу. И гордый своей эрудицией, почти продекламировал:

— Радикулитис акута!

— Вы так думаете, коллега? — иронически спросила меня врач. — Представьте себе, на этот раз медицина расходится с вами во мнениях. Это всего-навсего почечная колика. И если бы вы не запустили болезнь, давно бы танцевали бы шейк. Или чарльстон. Это уж как вам нравится.

Через месяц я был совершенно здоров. Лишь иногда бывают у меня неприятные ощущения в подспинной области. Когда вспоминаю Клевицкого-младшего или Аполлона Модестовича.

ПЕТЯ ПРОСИТСЯ В ПОХОДИК

Как это делается? Очень просто. За дверью слышится бодренькая песенка:

— Мы в походы ходим, чтобы
Укреплять свои сердца;
Чую я: рекорд Европы
вырисовывается...

И Антон Пилюлин, раскачиваясь, как приземлившийся боцман, входит в завком.

— Турпривет,— небрежно машет он рукой.— Ну, как? Подкинем романтику автогужтранспорта туристскую путевку? Чтобы тело, как говорится, и душа были молоды...

Прежде за Пилюлиным тяги к землепроходчеству не наблюдалось. Единственный маршрут, который Антон добросовестно освоил, был «закусочная — пивной бар — кафе «Фиалка», откуда он выходил, благоухая отнюдь не весенним цветком. В завкоме, правда, припоминают, что лет десять назад Пилюлин выступал на цеховых соревнованиях по лапте. Однако все знают, что Антон мужик настырный, горлопан, умеет, как он выражается, «брать за пищик», и связываться с ним не стоит. Но одна путевка его не устраивает.

— Сын у меня, Петька, ох, и шустрик,— продолжает атаковать Пилюлин.— Не пожалеем еще одну путевочку, а? Для укрепления семьи?

— Ну что ж,— вздыхают завкомовцы,— если только для укрепления. А он у тебя турист?

— Турист, турист,— посмеивается Пилюлин,— можно сказать, даже альпинист.

Дело сделано. Антон сжимает в потных ладонях путевки и, посмеиваясь над простаками из завкома, делает марш-бросок в сторону закуской.

Поля Трушкина, ткачиха-многостаночница, заядлая туристка, по праву стала владелицей путевки на турбазу. Но она не уходит из фабкома и полными неизбывной тоски глазами смотрит на «соц-бытсектор» в лице тети Паши.

— Машенька у меня... доченька,— жалобно, как ветер осенний, стонет Трушкина.— Как же я без нее?

В глазах Поли уже мировая скорбь. Тетя Паша паровозно вздыхает.

— Дитё еще твоя Машенька,— нерешительно отбивается она,— ее в пору на коленках тетешкать.

— Дак Петя (Петя — муж Поли, известный на фабрике рационализатор) такой рюкзачок смастерил — никаких забот не будет: горшочек внутрь вмонтировал с выводной трубкой и крантиком, бутылочку для молочка приспособил. Иди себе — не оглядывайся.

Такой довод, как механизированный рюкзак, на сердобольную поборницу технического прогресса тетю Пашу действует неотразимо. И Поля Трушкина получает вторую путевку...

В день заезда туристов весь списочный состав турбазы «Горное гнездо» выстраивается перед парадным входом. Орлы-инструкторы в посконных, выгоревших штанах с канатной строчкой, в просторечии именуемых джинсами, и ковбойках, в девичестве клетчатых, а ныне выгоревших почти до одноцветья, стоят в монолитном строю. На их облитых загаром мужественных индейских профилях непреклонная решимость без промедления приобщить прибывших новичков к опасностям горных троп. Весельчак баянист положил пальцы на кнопки своего инструмента и, как бегун перед стартом, ждет команды. А солидный, как профессор, директор прикладывает ладошку козырьком и полководчески всматривается в дорогу.

Но вот наконец подкатывает запыленный автобус. Туристы выстраиваются перед крыльцом. Застоявшийся баянист рвет меха. Молодцы-инструкторы дружно гаркают:

— Физкульт-привет-привет-привет!

На что прибывшие отвечают:

— Привет, привет... Но где же баня и обед?

Не успевает горное эхо повторить «обед», «обед», как из шеренги, словно по команде «ряды вдвой!», выходит десяток новоприбывших и мрачно добавляет:

— И манная каша!

Рюкзак одной из туристок шевелится, оттуда высовывается замурзанная мордашка и плаксиво тянет:

— А мне молочка!.. И горшочек.

Это, конечно, Трушкина-младшая. Дело в том, что оснащенный прогрессивной техникой рюкзак дал крен — молоко, не выдержав дорожной тряски, трансформировалось в масло, а выводное отверстие заклинилось растаявшим шоколадом.

В стройном ряду инструкторов замешательство. Бронзовые лица их тускнеют! Они по опыту знают, что сейчас предстоит. Один из них будет отряжен в ближайший детсад (двадцать километров за перевалом) на предмет унизительного вымалывания десятка сосок напрокат. Другому ввиду отсутствия в окрестностях пункта детского питания придется отправиться в соседнее селение и вести оттуда на веревке козу Маньку, известную всем вздорным характером и склонностью наносить исподтишка удары с тыла. Третьему предстоит подвизаться в роли няньки и самому себе противным сюсюкающим голосом петь:

Тихо все, не дрогнет листик,
Только я пою:
Спи, мой маленький туристик,
Баюшки-баю.

Директора ждет еще один удар. Из прибывшей вскоре грузовой машины вылезает шофер и бурчит:

— Распишитесь в получении.

А затем вытаскивает из кабины старца среднеазиатского происхождения в радужном халате и тибетейке. Общими усилиями его разгибают и препровождают под руки в комнату.

Уже за обедом аксакал объявляет забастовку. Садится у входа в столовую и, раскачиваясь, как дервиш на молитве, монотонно твердит:

— Не хочу борщ, хочу плов!

Все попытки шеф-повара насильно кормить старца с ложки безрезультатны. Повар тихо поминает ближайших родичей по материнской линии и демонстративно удаляется. Его догоняет директор и змеино шепчет:

— Ты мне тут национальную рознь не сей. Чтобы к ужину был плов. Понял?

Утро начинается с ЧП. У козы Маньки, очевидно, по причине случившихся в дороге идейных разногласий с инструктором, пропало молоко. Чадолюбивые родители окружают директора и смотрят на его подозрительно округлую грудь. Но директору отступать некуда. На него нападает матерый скандалист Пилюлин-старший, обуреваемый неутолимым желанием поскорей добраться до киоска «Вино-воды».

— А где комната матери и ребенка? — спрашивает он непримиримо-страстным голосом. — Могу я в таких условиях семью укрепить? Буду писать... На самый верх. Туда...

И Пилюлин тычет мозолистый от игры на бильярде палец в безоблачное небо.

Поля Трушкина на распутье. Одним глазом она откровенно завистливо смотрит на уходящую в горы цепочку туристов, а другим косит на дочку, посапывающую в рюкзаке... В конце концов она тяжело вздыхает, бежит в кабинет к директору и украдкой пристраивает Машеньку на кожаном диване.

Наткнувшись на подкидыша, директор покрывается холодным потом. Внезапно он вспоминает о старце в тубетейке, и спасительная мысль облегчает его душу: «А что если организовать комнату деда и внука? Подбросим аксакалу из безлюдного фонда — пусть старика Хоттабыча изображает, детишкам всякие там легенды-сказки рассказывает. А ведь мысль?»

Его ждет разочарование. Аксакал сидит на крыльце турбазы. Он раскачивается и заунывно выпевает:

— Хочу в горы. Хочу в горы...

«Что делать? — лихорадочно соображает директор. — Как его в горы... э... э... транспортировать? Может это... палантин... нет, кажется, паланкин... смастерить и понести? Черт с ним...»

Но аксакал уже спит. Загадочная улыбка кочевника застыла в углах его рта. Ему, наверное, снится плов с изюмом, бешбармак из курдючного барашка, песнь чабана, настоящая на дурманном запахе джейлау.

Неподалеку старший инструктор, известный всей стране ас сложных горных переходов, водит с ребятишками хоровод. Другой проводит индивидуальную работу с Машенькой Трушкиной.

— Жил-был туристик Митенька, — паточным голосом рассказывает он, — однажды он пошел с папочкой в походик по сложненькому маршрутику. Митенька был бяка и не соблюдал дисциплиночку. Когда группочка вошла в лесочек, Митя отстал. Навстречу ему серый волк... «А ну-ка, мальчик, открой рюкзачок, не спряталась ли там Красная Шапочка? А может, там суп из мясного концентрата есть?..» Волк облизнулся и...

Рядом, на танцплощадке, Трушкина-старшая изучает па танца «поппель-хоппель». А в беседке Антон Пилюлин забивает козла.

Директор вздыхает и идет дальше. Ему предстоит сейчас писать заявку в областной совет на партию детских колясок повышенной проходимости.

Прибывшую вскоре новую группу туристов встречали без музыки. Понуры директор приветствовал их по привычке несколько необычно.

— Здравствуйте, дорогие туристики! — просюсюкал он. — Физкульт-приветик! Сдайте рюкзаки в кладовочку. Сейчас пойдете под душ, скушаете обедик... А завтра — в походик по интересному маршрутику. Смотрите, только не шалите...

Директор нервно хохотнул, закричал «мама». И тихо осел на землю.

ЖЕРТВА НАСИЛИЯ

Светало. Двое, мужчина и женщина, вбежали в комнату. На кровати, у окна, крепко и безмятежно спал юноша. Они набросились на спящего. Сквозь сон юноша почувствовал, что его стаскивают с кровати. Он сознавал, что единственный шанс на спасение в упорном сопротивлении, поэтому даже в полудреме защищался, как лев.

Однако нападавшие постепенно одерживали верх. Они стащили юношу с кровати, зажали тряпкой рот и поволокли к креслу, где лежала его одежда. Затем поспешно натянули на него брюки и рубашку и потащили из комнаты.

— Умоляю, отпустите,— успел крикнуть юноша.— Я не хочу...

Мужчина вновь быстро зажал ему рот. Юноша все еще оказывал сопротивление, но, видя, что это безнадежно, сдался. Все дальнейшее было как бы окутано туманом. Перед его глазами пронеслись потоки воды, все вокруг застлала пена.

Юноша помнил, как ему в руки сунули что-то очень тяжелое, подхватили и опять куда-то поволокли. Он уже не пытался бороться. Его участь была решена...

Открылась массивная, обитая войлоком дверь, и юноша почувствовал, что падает на каменный пол. Он инстинктивно закрыл глаза...

Очнувшись, юноша увидел перед собой дверь, он был одет, но почему-то на одной ноге не было ботинка. В это время дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы в нее мог пролезть ботинок, который и нанес юноше последний удар. Дверь захлопнулась. Юноша натянул ботинок, встал, отряхнулся и начал медленно спускаться вниз по лестнице.

Начинался обычный день студента-первокурсника. Усталые, но довольные родители стояли за дверью и радостно прислушивались к удаляющимся шагам. Сегодня победили они...

ЗАМОРОЗКИ НА ПОЧВЕ

Всему виной радио.

Если бы Яков Кузьмич не услышал в «Последних известиях» прогноза погоды, ничего бы не случилось.

Вы думаете, диктор пообещал что-то сверхъестественное? Ничего подобного. «...А в последующие дни повышение температуры до тридцати градусов». Только и всего.

Но уже столько дней стоял холод и шли дожди, что Яков Кузьмич не устоял: он решил немедленно поделиться с кем-нибудь приятной новостью. И тут же набрал номер телефона своего сослуживца...

— Федор Петрович? Слышал? Нет? В ближайшие дни жара...

Недоверчивое молчание в трубке только подстегнуло Якова Кузьмича.

— Не веришь? Точно! Температура до...— Он на мгновение занулся и выпалил:— До тридцати трех градусов!

Яков Кузьмич произнес это так ликующе, словно предстоящая перемена погоды — дело его собственных рук.

Федор Петрович положил трубку и с виду равнодушно сказал жене:

— Слышала, мать? Яков Кузьмич звонил. Ждите, говорит, жары. Не то тридцать пять градусов, не то еще выше...

— Твой Кузьмич совет — недорого возьмет, — с сердцем ответила жена.

Через минуту ее голос был уже слышен на кухне.

— Федя сам в газете читал: из тропиков антициклон идет — ужас. Температура в тени до сорока прыгнет. А на солнце — подумать страшно!

Бабка Спиридоновна, стоявшая с бидоном в руке, ахнула и перекрестилась, шепотом запричитала:

— И все за грехи наши господь бог жару посылает. Надо быть, прямо из пустыни Сахары ветер каленый воздух гонит, яко в печи огненной жить будем...

Другой жедец, пенсионер-архивариус Ипполит Викентьевич, поправил пенсне, хмыкнул, помешал в кастрюльке манную кашу и, презрительно фыркнув, вышел из кухни.

— Нонсенс! Невероятно, но факт. Из совершенно достоверных источников: повышение температуры до сорока пяти градусов. Запасайтесь водой: ожидается, что пересохнет Москва-река. Как свидетельствуют старожилы, такой жары не было уже двести пятьдесят лет.

Это Ипполит Викентьевич, захлебываясь сенсацией и манной кашей, делился по телефону новостью со своими знакомыми.

...На другой день Яков Кузьмич возвратился домой пораньше.

— Машенька, — сказал он, — тебе горячий привет! От Федора Петровича!

— Ишь расшумелся! — сурово оборвала его жена. — Все скоро гореть будем. Вместе с твоим Федором Петровичем. Не слышал разве? Ожидается самум, тропические ливни, жара до пятидесяти.

Яков Кузьмич со стоном опустился на кровать.

Из состояния транса его вывел голос диктора:

— Ожидавшийся антициклон прошел мимо. В ближайшие дни к нам вторгнутся с севера массы холодного воздуха. Ожидается понижение температуры до плюс шести-семи градусов.

Какая-то неведомая сила — Яков Кузьмич пытался сопротивляться, но тщетно — подняла его с постели и заставила снять телефонную трубку.

— Федор Петрович? Только что по знакомству сводку погоды прочел: циклон, брат, ждут...

Яков Кузьмич секунду помедлил, но искушение поразить друга было слишком велико.

— Да. да... не веришь? Холодина ожидается — будь здоров. Сколько? Ноль градусов... Заморозки на почве...

И с сознанием исполненного долга рухнул на кровать.

А Федор Петрович уже громко звал жену. Разве можно устоять перед соблазном сообщить близким, что в июле ожидаются морозы до десяти градусов?

И ВСЕ-ТАКИ ПРИЯТНО!

Если бы не встреча со Степаном Щегловым, старым фронтовым приятелем, заблуждался бы я до сегодняшнего дня.

А все жена, Леночка моя. Возвращаюсь, бывало, домой, а она навстречу:

— Пришел наконец, мой ненаглядный. Ох, Петечка, соскучилась я по тебе. Всех ты у меня лучше, все красивей...

И пойдет и пойдет... И глаза-то у меня серые, ну, прямо орлиные, и лоб, как у Сократа. Даже уши не упустит. Они у тебя, говорит, маленькие и изящные. Точно у Алена Делона...

Или, случалось, съешь в ателье пальто. Пойдем его примерять, а портной посмотрит и вздохнет украдкой. Лена на него коршуном:

— На такую фигуру, как у моего, пальто само ложится. Смотрите, талия почище, чем у Софи Лорен. Живота нет, ноги, как у Лиопы

Попробовал как-то продавец в магазине головных уборов заметить, что к моему носу шляпа не идет. Что тут было!

— Это Петеньке не пойдет? Да такого другого носа в Москве не сыщешь... Прямо римско-католический.

Я, грешным делом, загордился даже. Не то, чтоб очень в свою красоту поверил, но уж очень тешило, что я жене так нравлюсь.

Но вот идя однажды с работы, и кто бы вы думали навстречу? Степан Щеглов собственной персоной. Лет двадцать не виделись. Зашли, конечно, по рюмочке за свидание пропустить. Слово за слово — и по второй и по третьей... Короче, глянул на часы — ахнул. Час ночи, второй пошел. И тут вспомнил: билеты у нас с Леной в театр были. На кубинский мюзик-холл.

Припустился я что есть мочи, открываю дверь и не дышу. Слышу, жена по телефону говорит:

— Помогите, товарищ дежурный милиционер! С утра мужа нет... Фамилия? Петр Иванович Цымбалюк. Что? Приметы? Высокий. Да, да, высокий, худой. сутулый. Одно плечо чуть ниже другого. Лоб? Низкий, узкий. Волосы? Гм... Если память мне не изменяет, были когда-то черными... Глаза? Неопределенного цвета. Нос? Длинный, тонкий. На конце бородавка.

Тут во мне все закипело. Где же это она на мне бородавку увидела? Так, пятнышко какое-то, невооруженным глазом-то и не разглядишь!.. Хотел я было крупно поговорить с ней, а потом раздумал. Дверь обратно потихоньку захлопнул и звоню. Открыла жена — и в слезы. Бросилась на шею:

— Жив! Родной ты мой... Нет, нет, ничего не объясняй. Самое главное, что ты со мной. Что бы я делала без тебя! Так бы и жила одна-одинешенька. У кого еще такие глаза небесные, такой лоб гордый?..

Ну, одним словом, весь прежний репертуар выдает. И целует, конечно, меня вовсю.

Хотел я ей сказать: ты, мол, осторожнее, бородавку не задень. И все же воздержался. Уж очень у нее все это натурально получается. Будто так оно и есть... Приятно все-таки!

ПЛЯЖНОЕ СЕРДЦЕ

В субботу вечером ничто не предвещало неприятностей. Сослуживцы подшучивали над счетоводом Косточкиным, собравшимся провести воскресный день в однодневном доме отдыха.

— Давай, Косточкин, укрепляй организм! Заряжайся, так сказать, для производительного труда. Учти, ультрафиолетовые нынче бесплатно...

На пляж Косточкин вышел в белой широкополой шляпе, привезенной в прошлом году шурином из Гагры. В ней скромный счетовод сразу стал похож на отчаянного техасского ковбоя.

Однако душу Косточкина разъедала черная зависть. Грустно вздыхая, смотрел он на дюжих молодцов со шкиперскими бородами и телами, будто облитыми крепким чаем. И переполнился отвращением к своей собственной бледной, мелкопористой коже.

Только мысль о Тане заставила его повеселеть. «Приезжает. Завтра», — нежно вздохнул он. И тут же гениальная идея озарила мозг Косточкина. Он одолжил у соседки по пляжу ножницы, вырезал из бумаги сердце, а также буквы, составляющие слово «Таня», и приклеил их на грудь.

Косточкин на миг представил себе, как это будет выглядеть послезавтра, взвизгнул от восторга и, раскинув руки, лег, подставив себя солнечным лучам.

Не прошло и четверть часа, как пляжный репродуктор зашипел и закашлял. Потом женский голос бесстрастно произнес: «Граждане, не забывайте: температура солнца шесть тысяч градусов. Будьте осторожны с ультрафиолетовыми лучами. В больших дозах они приносят непоправимый вред здоровью».

Косточкин вздрогнул и вскочил. В слове «непоправимый» ему почудилось что-то из будущего некролога. Потом поиграл с бронзовы-

ми бородачами в волейбол, уморился и прилег на песок. Минуток на пяток. С тем, чтобы чуть отдохнуть и пойти домой...

Косточник задымился часа через два. Первый дымок над его спиной заметила та самая соседка, у которой он брал ножницы.

— Горим! — истошным голосом закричала она. И, не ожидая прибытия пожарной команды, прибегнула к подручным средствам — вылила на очаг загорания бутылку ацидофилина...

Косточкин ехал с пляжа, зло чертыхаясь. Спина уже побаливала. Брала обида на соседку по пляжу. Она потребовала уплаты за ацидофилин с ресторанной наценкой, включив в его стоимость почему-то и бутылку.

Дома Косточкин сразу же рухнул в постель. Спал он плохо. Его всю ночь мучили сновидения. Сначала к нему явился Аркадий Райкин. Он поливал Косточкина раженкой и ласково напевал ему:

Это было
летом, летом,
Это было
знойным летом...

Потом Косточкину привиделось, что соседка по пляжу гладит ему спину электрическим утюгом, а стрелка счетчика крутится с космической скоростью.

На работе Косточкина тоже ждали неприятности. Сослуживцы неодобрительно поглядывали на его мутные глаза и за его спиной многозначительно щелкали себя по кадыку. Потом его вызвал к себе председатель месткома.

— Нехорошо, товарищ Косточкин, — суровым проработочным голосом сказал председатель, — не за тем мы тебе путевку давали... Стыдись...

На экстренно созванном заседании члены месткома подвергли счетовода перекрестному допросу. Его клятвенные заверения в непричастности к происшедшему горячительных напитков были встречены ироническими ухмылками и игривым подмигиванием.

Все члены месткома по очереди заклеили поступок Косточкина. К ним жиденькими совещательными голосами присоединились члены ревизионной комиссии.

Профорг Дарвалдайский не преминул свести с Косточкиным старые счета.

— На водку деньги есть, а как взносы платить — днем с огнем не найдешь, — с неизменной обидой в голосе произнес он.

— Какие будут предложения? — многозначительным установочным баритоном спросил председатель.

Оргвыводы напрашивались сами собой. Счетовод клацнул зубами и тихо пополз со стула.

С работы Косточкина увезли на машине-неотложке. Его грудь в вырезе рубашки напоминала цветом надрезанный арбуз, столбик ртuti в термометре пополз выше 39.

«Из шести тысяч градусов — только сорок, а такое со мной творится», — с ужасом подумал Косточкин и впал в забытие.

Очнулся он от шума в палате. Перед ним стояла Таня и плакала. — Вы негодай, Косточкин! — кричала она, показывая на его грудь. — Стоило мне на месяц уехать, как вы растоптали нашу любовь. Променяли на какую-то Аню...

Косточкин приподнялся, взглянул на себя и обомлел. В волейбольном азарте он и не заметил, как буква «Т» слетела и теперь на его груди белело «аня»...

Косточкин схватился за сердце (не за пляжное, а настоящее) и без стопа рухнул обратно на подушки.

ЗОЛОТАЯ РЫБКА

Я вам так скажу: сказки все это про золотую рыбку. А если точнее — просто брехня.

Может, когда-то золотая рыбка и могла кому-то по благу дубленку достать. А нынче — дудки. Ей самой, как говорится, не до жиру, быть бы живу.

А все среда... Та самая окружающая, которую мы охраняем, охраняем, да устеречь не можем.

Что это так — на себе убедился.

Говорю я тут на днях своему дружку: «Давай-ка, Вася, махнем завтра на природу, подышим, чем бог послал».

Сказано — сделано. Встали пораньше. Все с вечера заготовили. Пластмассовую герметическую ванну с водопроводной водой — раз. Фикус в горшочке для антуража — два. Баночки с консервированными ароматами — три: всякие там «Грибы под елочкой», «Калинка-малинка», «Ромашки-лютики»... Для верности и кислородную подушку захватили — мы не нищие, милостыни от природы не ждем.

Приехали. Разделись. Легли. Речка волнами фиолетовыми шлепает. Солнце сквозь сернистые облака грудью пробивается. В ванну окунулись, магнитофон включили — соловей дрозда дает. Одним словом, балдеем!

А Вася баночку с ароматом открыл, совсем расчувствовался: «Как, говорит, грибной дух почую, так тот последний мухомор, что десять лет назад нашел, на ум приходит».

По соседству старичок в трусах под домашним кактусом отдыхает — цвета кофе без молока и без сахара.

«Извините, спрашиваю, у вас загар натуральный или вы, может, из слаборазвитых будете?» «Что вы, отвечает, это я под копыт угодил —

с соседнего завода несет. Часика два полежишь — и загар высшей кондиции».

Тут неподалеку кто-то как завопит: «Рыба!» Мы с Васей аж вскинулись. Неужели хоть одна, родимая, выжила?

Дедок копченый нас в чувство привел: «Охолоньте, ребята, это доминошники вас в грех ввели. Кажинный раз, как в азарт войдут, эту «рыбу» поминают».

Вася сразу затосковал и говорит: «Припас я тут очищенного флакончик. Может, вздрогнем?»

И быстро в речке стакашком зачерпнул, для разбавки. Посмотрели на свет — чистые чернила. Да и дух идет от них анилиновый.

Ну ничего, выпили, промокашкой закусили. Вася малость взбодрился, удочку достал. «Если, говорит, лохнесское чудовище выжило, то на мою долю, может, какая плотичка и осталась».

И что вы думаете? Пяти минут не прошло, смотрим, затрепыхалась на крючке, сердечная, граммов на триста. Только цвету невообразимого: лиловая с рыжими подпалинами. Но икрой черной пахнет. Синтетической. Той, что из нефти делают...

«Сойдет на закуску,— говорит Вася,— мы ее сейчас копильным ветерком обдуем. Через часок и под флакон можно пускать...»

Тут наша рыбка с перепугу человеческим голосом и заговорила. Хотя и не совсем по А. С. Пушкину.

«Ах вы, эдакие-раздакие... Да кто вам дал право так со мной обращаться? Я вам не бельдюга какая-нибудь, а тем более, извините, не простикома. Я рыбка порядочная, в девичестве даже золотая. И, между прочим, уникальная: одна-единственная на всю речку в живых осталась».

Мы с Васей сразу смикитили: раз не простая, а золотая, значит, если прижать ее как следует, тут дело если и не дачкой загородной, то импортным гарнитуром «Стелла» наверняка пахнет.

Мы эту рыбку — в ванну. И сразу ей ультиматум: хочешь обратно в речку — исполняй, как положено, три наших желания.

А она поплескалась в ванне, малость оклемалась, плавниками заиграла. И прямо взмолилась: «Только не обратно в речку, лучше уж сразу на уху пускайте. А желания ваши исполнить не могу — химия всю силу волшебную из меня выпила. Будь иначе, я бы директора фабрики давно с работы сняла. Или заставила хоть раз в этой речке искупаться. Пусть отходы своей продукции на вкус попробует».

Пожалели мы с Васей рыбку-горемыку. Оставили ее в ванне, домой привезли. И не пожалели об этом. Один академик как увидел, огнем загорелся. Уж больно окраска ему понравилась. «Это, говорит, точный колер, как у хамелеона-дистрофика». И мы не внакладе — он нам такую сумму отвалил, что на красный холодильник хватило. Даже с приплатой...

Вы хотите сказать, что это сказка? Нет, истинная правда. Доживем до двухтысячного — сами убедитесь. Если, конечно, кое-кто из нас не изменит своего отношения к природе.

НА ВСЮ КАТУШКУ

Начальник главка Семен Лукич Чреватый нагрязнул на строительство, заранее готовый метать гром и молнию. Причина к тому была веская: участок, слывший всегда одним из лучших, не выполнил плана.

Таща за собой, как шлейф, свиту сотрудников, Чреватый начальственной рысцей пробежал по стройке. Через час, тяжело отдуваясь и на ходу соскабливая с пальто алебастровые нашлепки, Семен Лукич перешагнул порог конторы начальника участка.

— М-д-а, — протянул Чреватый, — собирался я тебя раздраконить, Иван Егорыч, да, вижу, на площадке порядок. Давай-ка излагай: кто тебе палки в колеса ставит?

Перепелкин, начальник участка, облегченно вздохнул. Из его страдавшей души потоком хлынули застарелые обиды.

— Аносюк без ножа режет, — торопливо заговорил он, — каждую третью плиту бракованную шлет... Гвоздюхин опять же с транспортом подводит: ежедневно пять-шесть машин «зажимает».

Чреватый, насупясь, молчал. Вдохновленный Перепелкин разошелся еще пуще.

— Сантехники, Семен Лукич, развернуться не дают, электрики, разбойники, подводок вовремя не делают...

Чреватый стукнул кулаком по столу:

— Ясно, Перепелкин! Больше терпеть эти безобразия не будем. Завтра же издам приказ. Будь спокоен — всем виновникам всыплю. На всю катушку...

И Семен Лукич благодушно потрепал по плечу Перепелкина.

— Тебя, конечно, голубчик, тоже «помянуть» придется в приказе. Ну, там «на вид» или указать... Сам понимаешь, — извиняюще развел он руками, — нужно: план-то не выполняется.

На следующее утро Чреватому принесли отпечатанный приказ. Но его руку, занесенную для подписи, остановил телефонный звонок. Звонила жена.

— За что ты, злодей, режешь Аносюка? Ты что, забыл: в воскресенье мы приглашены на свадьбу его дочери! Нечего сказать, хороший подарок ты ему готовишь!

«Пронюхала уже!» — вскипел было Семен Лукич. Но металлические нотки в голосе жены не предвещали ничего хорошего. И Чреватый с досадой перечеркнул пункт: «...директору завода железобетонных изделий Аносюку Ф. А. объявить строгий выговор с последним предупреждением».

Начальник транспортной конторы Кулебякин напомнил о себе сам.

— Семен Лукич! Дорогой! Кланяйся в ножки! — радостно пророчил в трубке его львиный бас. — Выделяю тебе завтра две машины — вези на дачу кирпичики. Для друга, сам знаешь, ничего не пожалею.

Чреватый чертыхнулся и мрачно уставился на приказ. А через несколько секунд на выговоре Кулебякину был поставлен крест. И буквально и фигурально.

Управляющий трестом сантехнических работ Алексей Павлович Флянцев сделал ход конем. Когда в очередной раз зазвонил телефон, то Чреватый услышал голос их общего приятеля Гребешкова.

— Привет, Семен Лукич! Как здоровьице? Да, кстати, видел сегодня Алешу. Опять всю ночь не спал, сердцем маялся. «Чувствую, — говорит, — Гребешков, гроза над моей головой собирается. А я человек слабый, нервный. Если что, не миновать инфаркта»...

Чреватый живо представил себе лежащего в гробу Флянцева и рыдающую над ним вдову, и ему стало нехорошо. Красный карандаш еще раз прошелся по приказу...

Телефон звонил не переставая. В конце рабочего дня Семену Лукичу принесли заново перепечатанный приказ. Чреватый перечитал его и сокрушенно покачал головой. Затем лицо его прояснилось. Он смял приказ, бросил его в корзину и на чистом листке набросал несколько слов. Перечитав написанное, Семен Лукич удовлетворенно хмыкнул: краткости и ясности приказа мог позавидовать сам Голенищев-Кутузов. Он состоял из одного пункта: «За срыв плана строительства объявить начальнику участка Перепелкину И. Е. строгий выговор».

Слово «строгий» было подчеркнуто. Семен Лукич Чреватый либерализма не терпел.

ПИЯВКИ ПОД СОУСОМ

В кабинете начальника конторы «Заготпиявка» в этот утренний час стоит тишина. Посетителей еще нет, и сам начальник — Прохор Иванович Толстиков, — удобно расположившись в кресле с витиеватой резной спинкой, проглядывает свежую газету.

Стол Прохора Ивановича уже приведен в боевую готовность. Разноцветные, хорошо отточенные карандаши, подняв вверх свои жала, до отказа заполнили два синих стакана; стопка папок ядовито-фиолетового цвета с надписью «Дело №» уютно расположилась по правую руку Толстикова; на открытом листке фундаментального, с золотым обрезом настольного календаря почерком, понятным только его обладателю, начертана программа дня.

Негромкий стук в дверь нарушает покой, царящий в кабинете. Прохор Иванович поднимает голову.

— Прошу войти,— хрипловатым начальственным баском произносит он. От всей его персоны, начиная с полного, розоватого лица с кармашками на щеках и очками в массивной целлулоидной оправе до широкого ремня, перетягивающего гимнастерку на объемистом животе, веет аккуратностью и деловитостью.

Прохор Иванович широким жестом показывает на кресло, стоящее по другую сторону стола, и вопросительно смотрит на посетителя. Взгляд его выражает доброжелательность и, казалось бы, говорит: у нас тут запросто, без всякого там бюрократизма. Чем можем помочь — всегда рады.

— Ай-ай,— соболезнующе качает он головой, выслушав посетителя — начальника райпункта «Заготпиявки» Спичкина.— Значит, говоришь, тары не выделяют? Экие же, дорогуша, волокитчики сидят у вас там в районе... Мы этот вопросик утрамбуем запросто, не сомневайся. В долгий ящик откладывать не будем — завтра соберу народ, все решим.

Короткий, мясистый палец Прохора Ивановича ловко подцепляет за угол листок календаря и при помощи еще более внушительного большого пальца приподнимает его. Густая вязь иероглифов покрывает страничку снизу доверху.

На лбу Прохора Ивановича появляются скорбные морщины.

— Да-а-а,— раздумчиво тянет он,— завтра-то, пожалуй, ничего у нас не выйдет, у «самого», брат, совещание, понял? Да и на объекты договорился я подскочить. Спускаюсь, так сказать, в массы...

Добродушный и снисходительный смешок сотрясает на мгновение живот Прохора Ивановича.

Спичкин умоляюще поднимает руки:

— Помилуй, Прохор Иванович! Да что я с пиявками делать буду? За сутки они из меня всю кровь высосут!

— Не могу, родной, никак не могу.— Лицо начальника конторы хмурится и принимает сосредоточенный вид.— Сам знаешь: дружба дружбой, а служба прежде всего.— Он перевортывает еще один листок календаря, и — о радость! — спасительное красное число сияет ему.— А вот в пятницу, так что-нибудь в районе двенадцати, заглядывай — и твой вопрос решим. Без волокиты, так сказать, без бюрократизма.

И, отечески обняв посетителя, Прохор Иванович незаметно начинает оттеснять его к двери. Делает он это так ласково, так непринужденно, будто на руках несет Спичкина к двери.

Оставшись один, Прохор Иванович начинает деловито просматривать свои записи в календаре. Потом решительно снимает трубку и набирает номер.

— Степан Фомич! Приветствует Прохор Иванович! С наступающим тебя... Какой праздник? Через три дня воскресенье... — И Прохор

Иванович хохочет так, что складка на шее, вздыбившаяся над воротником гимнастерки, вот-вот лопнет. — А я к тебе с просьбой — супруга одолевает насчет импортных циновок. Не устроишь ли парочку? Сам подошлешь? Что ты, что ты! — Прохор Иванович испуганно машет перед телефонной трубкой. — Это, брат, дело серьезное. Не дай бог, супруге не понравится. Сам сейчас же приеду и выберу.

Прохор Иванович торопливо одевается и рысцой трუსит к двери. Однако из кабинета он выходит уже походкой степенной, солидной. Коротко бросив секретарше «в трест» и прижимая под мышкой внушительный портфель, начальник конторы покидает свою резиденцию.

В пятницу утром Прохор Иванович появляется в конторе ровно в девять. Он благоухает одеколоном «В полет», а выбритая до глянца голова его напоминает куклу-голыша. Настроение у Прохора Ивановича предпраздничное, благодушное, и он позволяет даже себе осведомиться у уборщицы тети Даши о здоровье ее супруга-инвалида Архипыча.

— Что ему дается, — бурчит тетя Даша. — У добрых людей выходной только завтра, а он уже с утра натарзанился.

Прохору Ивановичу чудится в этих словах скрытый намек. Он преувеличенно громко крикает и начальственным тоном говорит:

— Убери-ка пыль со стола, экая ты, право, неряха.

И, не обращая внимания на обиженную воркотню тети Даши, садится за стол. Вскоре заходит начальник планового отдела Калькин, и час проходит в упоительной беседе о прелестях зимней рыбалки. Затем покой Прохора Ивановича пытаются нарушить два случайных посетителя. Они по своей неопытности не знают еще, что начальника конторы беспокоить в пятницу по служебным делам бесполезно. Открыв перед ними страницу календаря, Прохор Иванович благодушно разводит руками: дескать, не обессудьте, какая ж это работа накануне выходного!

Прохор Иванович остается один. Взгляд его из начальственно-нисходительного становится сосредоточенным, он поудобнее располагается в кресле и набирает номер своего домашнего телефона.

— Серафима? Записывай... Я тут набросал вариант. — Прохор Иванович ставит перед собой календарь с витками иероглифов и вкусным баритоном начинает диктовать. — Значит так: московской — четыре бутылочки. Кто не любит водки? Яков Степаныч? Так мы тоже не любители, а профессионалы... Хе-хе-хе... Пивка полдюжины да минеральной возьми... Соответственно грибков банки две да огурчиков столько же. Колбаски обратно не забудь. Селедочек возьми атлантических полкилограммчика. Только надо их...

В этот момент перед столом вырастает фигура Спичкина.

— Прохор Иванович! Пиявки без тары гибнут. Что будем делать?..

Но Прохор Иванович в гастрономическом раже уже не может остановиться и по инерции выпаливает в трубку:

— ...надо их в горчичном соусе вымочить!

Посетитель обалдело моргает глазами. Прохор Иванович прикрывает трубку рукой и жирным шепотом говорит:

— Поставь пивок на лед — авось до понедельника не подохнут. Вот решу сейчас по телефону один вопросик, а там... — на лице начальника конторы вновь появляется выражение блаженной истомы, — а там и три часа стукнет. Завтра как-никак выходной, начальство тоже не железное, и ему отдохнуть надо...

В понедельник утром Прохор Иванович приходит на службу невыспавшийся и хмурый. С трудом решив кое-какие вопросы недельной давности, он, вздохнув, начинает листать календарь. Увы! Заветная суббота где-то там, далеко. Прохор Иванович с опаской поглядывает на дверь: пойдут сейчас один за другим. И каждому надо дать ответ, принять какое-то решение. А тут еще нагрянет опять этот Спичкин, попробуй отвертись от него.

У него такое чувство, словно одна из спичкиных пивок присосалась к его сердцу и пьет оттуда кровь.

Но постепенно лицо Толстикова светлеет. Он уже мысленно репетирует такую сцену. Вот входит в кабинет Спичкин. Он, Прохор Иванович, приветливо встает ему навстречу.

— Как отдохнул, родной? Голова не болит? Понимаю, понимаю. Сам грешен. Ничего, ничего... Работа не волк, в лес не убежит. Не нами придумано: понедельник — день-бездельник. Хе-хе-хе... Заходи завтра — милости просим... Утрясем все за милую душу...

Радужные мысли Прохора Ивановича прерывает взрыв громкого смеха в коридоре. Начальник конторы недоуменно морщит брови и выходит из кабинета. Прямо напротив его дверей сотрудники столпились у стенного листка «Комсомольского прожектора». Прохор Иванович подходит ближе. Почти половину листа ватманской бумаги занимает рисунок. Тучный мужчина в зеленой гимнастерке вязнет в бюрократическом болоте. Он судорожно впился в спасательный круг — листок календаря, но это не помогает. Вот-вот мужчина вместе с листком скроется с головой в трясине.

Толстиков багровеет. «Раскусили, окаянные!» — с ненавистью шепчет он. Внезапно Прохор Иванович замечает в конце коридора унылую фигуру Спичкина. Толстиков спешит в кабинет и привычно усаживается в кресло. «Не открутишься теперь», — тоскливо думает он и вздрагивает, услышав стук в дверь.

РОБОТ ПЕТР КУЗЬМИЧ

Он появился в нашем отделе однажды утром. Квадратноголовый, длиннорукий, с подозрительными металлическими шишечками на лбу («Чистый сатана», — определила уборщица тетя Груня), этот гибрид

средневекового рыцаря и марсианина сидел в кресле захворавшего инженера Дроздецкого и загадочно гудел.

Орест Михайлович, наш заведующий отделом, склонился в его сторону в ироническом полупоклоне:

— Прошу любить и жаловать — новый сотрудник. В порядке, так сказать, эксперимента...

Ревматически хрустнув металлическими коленками, гибрид встал и нутряным басом представился:

— Петр Кузьмич! Робот на базе ЭВМ.

Сотрудники зябко передернули плечами — было в утробном голосе робота что-то потустороннее. Только записной отделецкий остряк, младший научный сотрудник Костя Веточкин, бодренько хохотнул:

— Давай, Петя, действуй, шевели триодами!

Робот как-то странно качнулся, дернулся и сделал шаг по направлению к Веточкину. Его рука-клевня поднялась будто для удара, но потом со звяканьем рухнула на место.

Веточкин вздрогнул и отступил на шаг...

Впрочем, этот незначительный инцидент не оставил следа, и Петра Кузьмича сразу включили в работу. Со сложным расчетом, который поручил ему Орест Михайлович, он справился за несколько минут. Другое задание, на которое обычному сотруднику понадобилось бы недели две, робот выполнил за полчаса.

В коллективе Петра Кузьмича оценили быстро. Уже на следующий день аспирантка Верочка, бросившаяся в очередной рейд по добыче импортных сапожек, передала ему свое задание. Лаборант Студеникин, провожавший жену на вокзал, попросил робота понаблюдать за прибором. И даже сам шеф, когда отлучился куда-то после обеда подозрительно чисто выбритый и благоухающий арабскими духами, подключил гибрида к телефону, и тот своим загробным басом размеренно отвечал на звонки одной и той же бесстрастной фразой: «Уехал в министерство, буду завтра».

Сослуживцы стали говорить новому сотруднику «ты» и называть его фамильярно «Петя». Он не обижался и охотно выполнял все их просьбы. Только у Кости Веточкина вышла осечка. Когда он, небрежно бросив «иду в КБ» («Опять к Зинке своей наострился», — прокомментировала тетя Груня), попытался подсунуть Петру Кузьмичу свою срочную работу, тот по-змеиному зашипел («Аж из ушей дым пошел», — уверяла тетя Груня), голова его с натужным скрипом вернулась к Веточкину, в глазах сверкнул прямо-таки лазерный луч:

— Ввиду перегрева отключаюсь до завтра, — проскрежетал гибрид.

Уязвленный Костя покрутил пальцем у виска и запальчиво произнес:

— У нашего Пети, видно, не все шарики дома.

— Транзисторы,— сухо поправил робот и сверкнул глазами.

Сотрудники переглянулись и почему-то с этого момента стали говорить Петру Кузьмичу «вы».

Первый серьезный симптом, что с роботом происходит неладное, появился, когда в отделе разыгрывали единственную путевку в двухдневный дом отдыха. Только было Верочка встряхнула мешочек с заложенными туда бумажками, где были написаны фамилии претендентов, как робот загудел, потом в нем что-то щелкнуло.

— А меня почему в списке нет? — В его раньше бесстрастном голосе явно слышались нотки недовольства. — У роботов нервы тоже не железные...

— Да, да, вы правы, Петр Кузьмич,— спохватился профтор Стюденикин и дрожащей рукой написал на билетике «П. К.». На мгновение задумался и добавил: «Роботов».

Так у Петра Кузьмича появилась фамилия.

Менеас Порфирий Чуркин, известный склочник и интриган, заинтересованно хмыкнул, сел рядом с роботом и ласково погладил его по гулкой гофрированной спине.

Следующее утро началось с того, что Петр Кузьмич, вместо того чтобы, как обычно, сразу взяться за очередной расчет, потянулся, хрустнул металлическими суставами и зловещим голосом спросил:

— А как вчера сыграл «Спартак»?

И тут же включился в разгадывание кроссвордов. Робот щелкал их словно орехи, и, после того как он моментально отгадал имя полинезийского вождя, состоящее из тридцати двух букв, всякий интерес к этой игре у сотрудников пропал.

Не оставляя своим вниманием Петра Кузьмича только Порфирий Чуркин. После обеда он подошел к нему и что-то заговорщицки проговорил в блестящие шишечки на голове.

Робот китайским болванчиком несколько раз согласно качнул головой и звенящим металлическим шепотом спросил:

— Хорошо... А против кого мы будем дружить?

После работы сотрудники решили скинуться по два рубля — намечалось отметить день рождения Верочки. Начавшийся было спор, что брать — сухое или экстру, — недвусмысленно разрешил Петр Кузьмич. После короткой гудяще-шипящей увертюры из железной утробы послышалось «Вхожу в долю».

На дерзкий вопрос Веточкина, из каких средств он думает внести свой пай, робот потребовал:

— Пусть оформляют старшим научным сотрудником вместо Дроздецкого — он третий месяц болеет.

С этого дня Петр Кузьмич стал манкировать своими служебными **обязанностями**. Он с утра включал транзисторный приемник или магнитофон, слушал песни в исполнении Аллы Пугачевой и ансамбля «Бони М», читал газету «Советский спорт», решал шахматные этюды.

Общался он теперь только с Порфирием Чуркиным, шушукаясь с ним в своем углу.

На первом же профсоюзном собрании Петр Кузьмич выступил с обличительной речью («Чуркинские дела», — ехидно подъялдыкнула тетя Груня). Досталось всем: Верочке за опоздание на работу, Веточкину — за невыполнение плана и даже тете Груне за пыль на подоконниках.

— А насчет вас, — сурово пробурчал робот, обращаясь к начальнику отдела, — мы поговорим в другом месте.

Шеф сжался, как от удара. Чуть не на рассвете он, пугливо озираясь, вкатил в комнату казенный импортный ковер (списанный как пришедший в негодность), который недавно стал украшением его квартиры (цветной телевизор, собранный из деталей, тайком унесенных из лаборатории, жена не отдала).

Сотрудники, ожидая новых разоблачений, затравленно озирались на угол, где находился робот. На совещании, экстренно собранном в курилке, было решено, что он слишком много знает и с ним надо кончать. Прошло предложение мстительного Веточкина составить акт, что Петр Кузьмич амортизировался, и списать его в металлолом.

Но на следующее утро робота на месте не оказалось. Он исчез, оставив перфоленту: «Ушел в комитет народного контроля».

БУДЬ ЗДОРОВ, МЫШКИН!

В 9.00 весь отдел был в сборе. Только кинжальный взгляд заведующего — Макара Кузьмича Клюкина заметил отсутствие одного из сотрудников.

— Где Мышкин? — сурово спросил Макар Кузьмич.

Телефон на столе задребезжал.

— Алле! — снял трубку Клюкин. — Ах, это ты, Мышкин? А чего ты фыркаешь, как морской лев? Ах, это ты чихаешь... Тут у людей годовой отчет, запарка, можно сказать, а он как ни в чем не бывало чихает. Ну, ладно, раз уж вирус на тебя наел, спуску ему не давай, бойей, как говорится, на здоровье. Но учти...

Клюкин неодобрительно хмыкнул и повесил трубку.

Без двух минут десять дверь открылась и в отдел вошел неизвестный. Лицо его закрывал черный шерстяной чулок деревенской вязки с прорезями для глаз и рта. В руке он держал пистолет.

— Мама! — крикнула басом казначей месткома Лидочка и закрыла бюстом сейф, где хранились профсоюзные взносы. Клюкин хватил ртом воздух и поднял руки вверх.

— Это я, — конфузливо сказал Мышкин, стягивая с лица тещин чулок, и стрельнул себе в нос из аэрозольного пистолета, — подмогнуть пришел.

— Орел ты, Мышкин! — благожелательно хлопнул его по плечу Клюкин. — Работяга! Учтем твой энтузиазм. Бери-ка вон ту папочку — против нее никакой вирус не устоит.

Мышкин в ответ благодарно чихнул. Бумаги со стола Клюкина разлетелись и закружились в воздухе.

Весь день Мышкин не отрывался от папки. Лишь каждые десять минут он, как знаменитый фокусник Арутюн Акопян, доставал откуда-то из недр пиджака свежий носовой платок, а использованный вешал сушить на батарею. К перерыву в отделе стояла парная банно-прачечная атмосфера.

После обеда в отдел залетел редактор стенгазеты Блинные.

— Готовим экстренный номер! — закричал он, потрясая блокнотом. — Статейка уже есть: «Мышкин бросает вызов вирусам!» Звучит, а? Молоток ты, Мышкин! Всегда в строю! По тебе равняется весь коллектив...

На другой день на работу никто не вышел — отдел бюллетеней в полном составе.

ВАСПО!

Мне дали общественное поручение. Председатель завкома сказал: — Пал Палыч! Дорогой! Поинтересуйся, как у наших орлят с тучебой? Побеседуй с товарищами. Ясно?

Я сказал:

— Васпо!

— Что-что?

— Вас понял, — уточнил я, — сокращаю для быстроты. Бегу выполнять.

Сделав колоссальное усилие, привел свои мозговые центры в состояние активности. Сразу вкатил им вопрос:

— Каким наиболее эффективным способом пообщаться с народом на такую животрепещущую тему?

Ответ последовал незамедлительно:

— Ясно, на совещании. Как же иначе?

Я подкинул второй вопрос:

— А какой могучий стимул применить, чтобы обеспечить явку?

Но тут мозговые центры внезапно отказали. Я выпил стакан холодной воды и подставил голову под кран. Вода уходила — мысли не приходили. Что значит на заводе нет электронной машины! Приходится все пробивать самому.

В эту ночь удалось поспать всего четыре часа, а в следующую — два. Все запасы кофе я уничтожил с молниеносной быстротой. Зато на третий день план был готов.

Начал в сборочном с Сереги. Он пробубнил что-то вроде: «Занят, некогда». Но я сразу выбил подпорки возражений могучим рычагом своего плана. Психологическим...

— Придешь — не пожалеешь. Будем вправлять мозги твоему сменщику. У него с техучебой какие-то неполадки. Что? Молчание — знак согласия. Итак, ждем. Салют!

Ленке из лаборатории я принес другой сюрприз.

— Хочешь узнать секрет новейшего способа окраски когтей — приходи после работы на вечер встречи с местной звездой косметики. Сила! Ну, заодно, конечно, перекинемся насчет того, как идут дела с техучебой. Явка, как говорится, без опозданий.

Еще накануне героически отвоевал помещение для совещания. Но в назначенный час там было пусто.

Жду пять минут, десять, пятнадцать. Никого. Все ясно, думаю, иду ко дну. Смотрю напротив, в окне сборочного, мелькают какие-то фигуры: Серега и его сменщик колдуют над станком. Чуть подальше, в лаборатории, Ленка перелопачивает какую-то дрянь.

— Спокойненько! — сказал я себе. — Без паники!

В действие вступает специальный раздел плана. Только и всего.

Я ворвался в гардероб и атаковал без пяти минут пенсионеров дядю Авдея и его друга Фаддея, сражающихся в поддавки.

— Шашечным гигантам — физкульт-ура! — лстыиво прокричал я. — Такие светила и в таком темном углу. А рядом — резиденция.

Старики таяли на глазах. Перебазировав их на захваченный плацдарм, я ринулся к проходной с боевым кличем:

— Касса взаимопомощи протягивает руку помощи!

Заарканил на эту приманку еще кое-кого из ребят, задержавшихся после смены.

В общем, народ подсобрался. Только я начал толкать речь насчет важности техучебы, в дверь какой-то очкарик рвется.

Я его осадил, конечно.

— На совещание не опаздывают. Ясно?

И потеснил, естественно, в коридор.

Очкарик не унимается, лопочет чего-то. Но я без лишних слов закруглил ситуацию:

— Завтра доскажешь. А сейчас — будь здоровчик!

И, конечно, запер дверь на ключ.

Открыл ее, когда совещание закончилось. В коридоре — трамвайная теснота. Меня берут за грудки, какие-то слова нехорошие говорят. Больше всего суетится очкарик.

Наконец до меня дошло — оказывается, я сорвал занятие по техучебе. Ну и ну! Откуда мне знать, что они проводятся именно в этой комнате? — Почему сам не учусь? Простите, васнепо! А кто же будет проводить совещания насчет техучебы?

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Конец Ересьева	3
Пируэты униформы	7
Новогодний сюжет	9
«Вкусный» репортаж	10
Романс для буренки	12
Бескомпромиссный Пирожков	14
Акселераты	18
Жертва футбола	19
Исповедь толстяка	20
Радикулитис Акута	23
Петя просится в походик	27
Жертва насилия	31
Заморозки на почве	31
И все-таки приятно!	33
Пляжное сердце	34
Золотая рыбка	36
На всю катушку	38
Пиявки под соусом	39
Робот Петр Кузьмич	42
Будь здоров, Мышкин!	45
Васпо	46

Виктор Александрович МАРЬЯНОВСКИЙ

РОМАНС ДЛЯ БУРЕНКИ

Редактор **М. М. Жигалова**

Технический редактор **О. Н. Ласточкина**

Сдано в набор 27.03.84. Подписано к печати 22.05.84. А 00374.
Формат 70×108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная».
Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10. Учетно-изд. л. 3,15. Тираж 94 000 экз.
Изд. № 1379. Заказ № 2513. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137,
ул. «Правды», 24.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ТРУДОВЫЕ СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЕ КАССЫ

предоставляют населению возможность надежного хранения свободных денежных средств на счетах по вкладам. Вклады можно пополнить наличными деньгами или путем перечисления предприятиями и организациями сумм на счета по вкладам в безналичном порядке.

● Одной из перспективных форм обслуживания населения путем безналичных расчетов является выплата через сберегательные кассы заработной платы рабочим и служащим. Сейчас этой формой расчетов пользуются свыше 18 тысяч предприятий и организаций, свою заработную плату получают в сберкассах свыше шести миллионов трудящихся.

● Выплата заработной платы через сберегательные кассы с предварительным зачислением во вклады имеет большое социально-экономическое значение и тесно сочетает интересы государства с личными интересами трудящихся.

● Переход на новую форму расчетов положительно влияет на улучшение обслуживания трудящихся, сокращает на предприятиях потери рабочего времени, связанные с выдачей заработной платы, способствует повышению производительности труда и выпуску дополнительной продукции.

● Трудящиеся могут получить заработную плату в свободное от работы время полностью или частями в сберегательных кассах, находящихся вблизи места жительства.

● Чтобы воспользоваться услугами по выплате заработной платы трудящимся через сберегательные кассы, предприятия и организации могут заключить с соответствующими центральными сберегательными кассами договор на организацию этой работы.

Правление Гострудсбернасс СССР